

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

— ЕГО —

ЖИЗНЬ и ПОЭЗИЯ

(къ 100 лѣтнему юбилею со дня рожденія поэта)

ИЗДАНИЕ

въ пользу Одесскаго Педагогическаго О-ва взаимопомощи

1914.

Лупанов

519

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

— ЕГО —

ЖИЗНЬ и ПОЭЗИЯ

(къ 100 лѣтнему юбилею со дня рожденія поэта)

ИЗДАНИЕ

въ пользу Одесскаго Педагогическаго О-ва взаимопомощи

1914.

Лупанов

519

ОДЕССА.

Типографія Акціонерного Южно-Русского Общества Печатного Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 18).

1914.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

Заповіт.

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Україні милій:
Щоб лани широкополі
І Дніпро і кручі
Були видні, було чути,
Як реве ревучий!
Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу, оттоді я
І лани і гори—
Все покину і полину
До самого Бога
Молитися.

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте,

І мене вь сембі великій,
В сембі вільній новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом!

П. Шевченко.

ГЛАВА I.

Юго-западный край Кіевской губерніи принадлежитъ къ самымъ живописнымъ мѣстамъ Украины. Слегка волнистая поверхность кое-гдѣ прерывается довольно широкими долинами; то здѣсь, то тамъ виднѣются высокія «могили» — нѣмые свидѣтели былыхъ подвиговъ (такъ, по крайней мѣрѣ, смотреть на нихъ народъ). Поля и деревни даже и теперь осѣнены во многихъ мѣстахъ причудливыми лѣсами. Это не лѣса сѣвера, способные навести на человѣка страхъ своей необъятной густотой, непроходимостью — это скорѣе густыя рощи; но въ нихъ такъ легко и свободно дышится; они способны навѣять мирныя грезы, по канвѣ которыхъ фантазія можетъ нарисовать самые причудливые узоры.

На крайнемъ югѣ мѣстность принимаетъ уже степной характеръ. Но эти степи — не наши Черноморскія: не такъ онѣ безпредѣльно ровны; быть можетъ, не такъ ярки весною, какъ первыя, но зато и не такъ угрюмы, какъ здѣшнія Черноморскія, когда солнце жжетъ и обращаетъ ихъ въ сѣрую пустыню. Даже глубокой осенью, когда наши степи своимъ холоднымъ однообразіемъ наводятъ уныніе — тамъ есть на чемъ успокоиться: то привлекаетъ курганъ, то пере-

лѣсокъ, то живописно раскинувшееся по долинь украинское село, хаты котораго и теперь еще окружены традиціонными «вишневыми садками».

Природа здѣсь не подавляетъ грандіозными явленіями, не даетъ чрезмѣрнаго простора фантазіи, не возбуждаетъ глубокой пытливости—отъ нея вѣетъ миромъ, идилліей, покоемъ. Здѣсь можно любить безмятежно, мечтать спокойно, привязаться къ тихой семейной жизни. Возможно, что уголокъ этотъ не произведетъ глубокихъ впечатлѣній на мыслителя, но онъ вызоветъ творческую дѣятельность художника. Отсюда вплоть до нашихъ дней и выходили художники, правда, мало извѣстные, въ родѣ Сошенко, но не ихъ вина, что «нікчемна доля» помѣшала имъ широко развернуть свои способности. Среди такой природы раскинуты въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., два села—Моринцы и Кириловка, принадлежавшія нѣкогда богатому польскому магнату Энгельгардту. 25-го февраля 1814 года въ Моринцахъ у крѣпостного Григорія Шевченка родился третій ребенокъ, сынъ Тарасъ—«последній кобзарь и первый великій поэтъ великой литературы славянскаго міра», по мѣткому изреченію Аполлона Григорьева.

Дѣтство поэта прошло среди невѣроятныхъ условій крѣпостной среды. Тамъ, гдѣ родился поэтъ, царил

..... неволя,
Робота тяжкая; ніколи
І помолитись не дають.
Там матір добрую мою,
Ще молодую, у могилу
Нужда та праця положили;
Там батько, плачучи з дітьми

(А ми малі були і голі),
Не витерпів лихої долі,
Умер на панщині.

По смерти матери наступили тяжелые годы для мальчика.

Едва мальчику минуло два года, какъ родители его были переселены, по приказу помѣщика, изъ Моринець въ Кириловку, гдѣ и отбывали «панщину».

Крѣпостная семья, забитая нуждой и подневольнымъ трудомъ, не могла дать никакого воспитанія своему сыну. Отецъ Шевченка, грамотный и очень любознательный человекъ, долженъ былъ изъ кожи лѣзть, чтобы прокормить многочисленныхъ домочадцевъ, въ чемъ ему помогали и дѣдъ поэта. Мать Тараса, слабая женщина, рано одряхлѣла отъ тяжелой работы, частыхъ родовъ и семейной нужды. Она умѣла любить дѣтей, кормить ихъ, одѣвать, но ей некогда было даже присмотрѣть за ними. Да и какое воспитаніе (разумью — сознательно направляемое) могла дать своимъ дѣтямъ полуграмотная крестьянская семья, живущая среди невозможныхъ крѣпостныхъ отношеній?

При такихъ условіяхъ—не до воспитанія дѣтей. Благо уже то, что своимъ влияніемъ мать вложила въ дѣтскую душу сѣмена любви и правды, а дѣдъ поддерживалъ это влияніе и впоследствии возбудилъ дѣтскую пытливость своими рассказами. Съ глубокимъ чувствомъ Шевченко вспоминалъ эти первые моменты своего дѣтства. Много позже, когда онъ былъ солдатомъ, память воскресила ихъ, и онъ писалъ:

І досі сниться: під горою,
 Між вербами, та над водою,
 Біленька хаточка; сидить,
 Неначе й досі, сивий дід
 Коло хатиночки і бавить
 Хорошее та кучеряве
 Свое маленькое внуця.
 І досі сниться—вийшла з хати
 Веселая, сміючись, мати,
 Цілує діда і дитя—
 Аж тричі весело цілує,
 Прийма на руки і годує,
 І спать несе; а дід сидить
 І усміхається,—і стиха
 Промовить нишком: «деж те лихо?
 Печалі тії, вороги?»
 І нищечком старий читає,
 Перехрестившись, «Отче наш»...
 Кризь верби сонечко сіяє
 І тихо гасне... День погас,—
 І все почило... Сивий в хату
 І сам пішов одпочивати.

Предоставленный самому себѣ, впечатлитель-
 ный мальчикъ дѣлалъ, что хотѣлъ. Въ лѣтнюю пору
 онъ пропадалъ на цѣлые дни, бродилъ по окрестнымъ
 полямъ и лугамъ, забирался въ лѣсъ или шатался
 вдоль рѣки. Въ это время окружающая природа
 была его единственной воспитательницей. Своей
 «тихой» красотой она незаметно возбуждала его
 фантазію, а своими явлениями вызывала къ умствен-
 ной дѣятельности, и, по мѣрѣ силъ, руководимый
 фантазіей, маленький Тарасъ старался самостоя-
 тельно объяснить себѣ эти явленія.

Едва ли не пятилѣтнимъ мальчуганомъ онъ
 надолго исчезъ изъ дому, желая во чтобы то ни стало
 добраться до тѣхъ «желѣзныхъ столбовъ», которыми
 поддерживается небо. Къ «столбамъ» онъ не добрелъ,
 сбился съ дороги и пошелъ наудалую. Къ счастью,
 мальчика встрѣтили чумаки, которые и привезли
 его домой. Дома, на дворѣ, у хаты, онъ застать
 всю семью за мирнымъ ужиномъ; только сестра
 Катря уныло стояла «коло тину» и тревожно смотрѣ-
 ла вдаль, не покажется-ли откуда ея баловень.
 Эта картина семейнаго ужина и отдыха отчетливо
 запечатлѣлась въ душѣ ребенка; много лѣтъ спустя
 (1847), Тарасъ изобразилъ ее въ прелестномъ сти-
 хотвореніи «Вечір».

Садок вишневий коло хати,
 Хрущі над вишнями гудуть;
 Плугатири з плугами йдуть,
 Співають ідучи дівчата,
 А матері вечерять ждуть.

Сімя вечеря коло хати;
 Вечіря зіронька встас;
 Дочка вечерять подає,
 А мати хоче научати,
 Так соловейко не дає,

Поклала мати коло хати
 Маленьких діточок своїх,
 Сама заснула коло їх.
 Затихло все. Тільки дівчата,
 Та соловейко не затих.

По праздникамъ и въ долгіе зимніе вечера дѣдъ, едва-ли не соучастникъ гайдамаковъ, увлекать мальчика своими разсказами обыломъ.

Бувало в неділю, закривши Минею,
По чарці з сусідом випивши «тієї»,
Батько діда просить, щоб той розказав
Про Коліівщину, як колись бувало,
Як Залізник, Гонта ляхів покарав...
Столітніи очи, як зорі, сіяли,
А слово за словом сміялось, лилось:
Як ляхи канали, як Смїла горїла,
Сусїди от страху, от жалю німіли...
І мені, малому, не раз довелось
За титаря плакати; і ніхто не бачив,
Що мала дитина у куточку плаче.

ГЛАВА II.

На 8-мъ или 9-мъ году маленькаго Тараса отдали въ школу, гдѣ онъ выучилъ «граматику» и псалтырь. Здѣсь онъ впервые испыталъ насиліе и гнѣтъ надъ собою, часто незаслуженные: наставникъ каждую субботу кормилъ своихъ питомцевъ «березовою кашею», кормилъ съ цинизмомъ, заставляя дѣтей подъ розгами читать четвертую заповѣдь. Пьяная жестокость учителя оказала свое дѣйствіе: къ живости характера, порой непосѣдливости мальчика, примѣшалось упрямство, задоръ и скрытность. Вскорѣ на развитіе этихъ чертъ повліяло новое горе: то была

смерть матери. Это несчастье произошло, когда Тарасу едва минуло 9 лѣтъ. По смерти матери осталось пятеро сиротъ, изъ которыхъ старшему Никитѣ было всего 11 лѣтъ.

Для крестьянина съ кучей маленькихъ дѣтей отсутствіе хозяйки въ домѣ — большое несчастье. Домашнія работы у крестьянъ всецѣло на рукахъ женщинъ, и гдѣ нѣтъ работницъ въ домѣ, тамъ оно разлетается прахомъ. Отцу Шевченко приходилось жениться вторично; и, вскорѣ послѣ смерти первой жены, онъ снова вступилъ въ бракъ со вдовой Ксеніей, у которой отъ перваго мужа осталось трое дѣтей. Для Тараса началась иная жизнь.

«Кто видѣлъ хоть издали мачеху», говоритъ самъ поэтъ: — «и такъ называемыхъ сводныхъ дѣтей, тотъ, значитъ, видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ его торжествѣ. Не проходило и часа безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми, и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачехой».

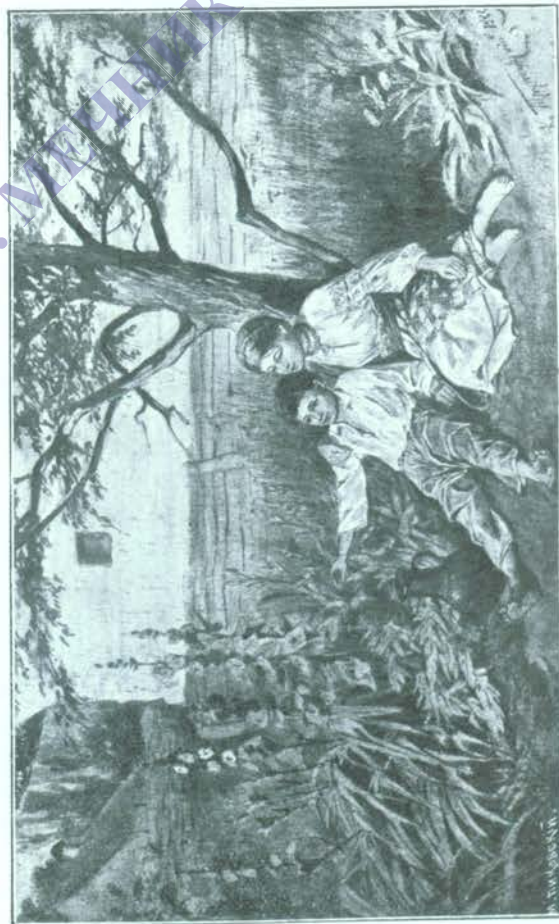
Вмѣстѣ съ тѣмъ необычайная пытливость ума, живость и эксцентричность, соединенныя съ упорнымъ, настойчивымъ характеромъ, не мирящимся съ семейнымъ адомъ, вызвали со стороны старшихъ рядъ «воздѣйствій» на Тараса, съ цѣлью сломить бурныя проявленія его натуры. Эти «воздѣйствія» были слишкомъ разнообразны, начиная съ безчеловѣчныхъ истязаній (которыя въ одномъ экстраординарномъ случаѣ продолжались три дня съ небольшими промежутками) и кончая «грызотнею» съ утра до вечера, какъ это обыкновенно бываетъ среди загнанныхъ и забытыхъ людей. Семья Тараса болѣе чѣмъ дикими—безумными казались порывы мальчика; а его неуступчивый, строптивый характеръ, не подчинявшійся насилію, возбуждалъ озлобленіе.

Другой, подъ вліяніемъ семейнаго гнета, заглохъ бы, подчинился и, обезличившись, погибъ въ крѣпостной средѣ. Не таковъ былъ Тарасъ по своей натурѣ. Посмотрите, съ какой не дѣтской настойчивостью возстаеъ онъ противъ людской неправды! Не желая подвергаться незаслуженнымъ наказаніямъ, семилѣтній мальчикъ въ теченіе пяти дней скрывается въ бурьянѣ заброшеннаго огорода, куда сестра Ирина украдкой отъ всѣхъ приноситъ ему хлѣбъ. Бѣгствомъ изъ одного села въ другое да уединеніемъ характеризуется его дальнѣйшій протестъ противъ изувѣрства семьи и учителей.

21-го марта 1825 года умираетъ отецъ Тараса. Старикъ поѣхалъ въ Кіевъ на «прощу», простудился, занемогъ и, возвратившись, скончался на барщинѣ. На смертномъ одрѣ отецъ высказалъ замѣчательное пророчество о будущей судьбѣ украинскаго поэта.

«Синови Тарасу з мого хазяйства нічого не треба; він не буде аби-яким чоловіком: з його буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для його мое наслідство або нічого не значитиме, або нічого не допоможе». («Основа», 1862 г., III, 6).

По смерти отца тяжелые дни наступили для мальчика: съ одной стороны донимала страшная бѣдность огромной семьи; съ другой тираниа мачехи и ея присныхъ слишкомъ давала себя знать. При такихъ условіяхъ не возможно было оставаться въ родительскомъ домѣ, и Тарасъ рѣшается уйти изъ дому «блукать по світу—долю добувати». Онъ былъ уже достаточно силенъ и грамотенъ, чтобы подыскать себѣ соотвѣтствующій заработокъ. И вотъ одинъ изъ дядей, чтобы «вивести сироту в люди», предложилъ ему за «харчі» лѣтомъ пасти свиней, а зимою помогать его «наймиту» по хозяйству. Маль-

8 лѣтній Тарасъ ШЕВЧЕНКО и его сестра Катря.

чикъ оказался неблагодарнымъ: онъ отвергъ «доброе» предложеніе. Взявши свой псалтырь, чернильницу и таблицу (?), отправился онъ къ пьяному дьячку Бугорскому и поселился у него въ школь въ качествѣ школяра и работника. У Бугорскаго Шевченко долженъ былъ исполнять всякую работу: носилъ воду ведрами, рубилъ дрова, топилъ печь; кромѣ того, дьячокъ пользовался его знаніемъ наизусть псалтыри и отличнымъ чтеніемъ и отправлялъ читать каѳизмы по покойникамъ. За прочтеніе дарили «кнышомъ и копою грошей» (копа—60 коп.). Изъ этой платы Тарасу удѣлялась десятая копейка; остальное бралъ себѣ Бугорскій. Но заработокъ отъ чтенія псалтыри былъ очень ничтоженъ: его не хватало даже для удовлетворенія первыхъ потребностей тѣмъ болѣе, что Бугорскій запивалъ и сильно запивалъ; поэтому не удивительно, что Тарасъ ходилъ безъ сапогъ и шапки и лѣтомъ, и зимою въ вѣчно грязной сорочкѣ и въ сѣренькой дырявой свиткѣ. Приходилось голодать и наставнику, и ученику. Когда голодъ уже слишкомъ донималъ, ученикъ бралъ торбу, а учитель горшокъ, и ходили подъ окнами селянъ — пѣли ирмосы. Иной разъ и приносили кое-что въ школу (хоть грушоваго квасу), а иной разъ и насухо возвращались, только что не голодные.

Уже въ это время у мальчика сталъ незамѣтно пробуждаться инстинктъ художника и порой овладевалъ имъ до такой степени, что Тарасъ долженъ былъ удовлетворять этой новой потребности своей природы.

Въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ посланій онъ писалъ:

Давно те діялось! Ще в школі,
Таки в учителя-дяка,

Гарненько вкраду пятака
(Бо я було трохи не голе—
Таке убоге!) та й куплю
Паперу аркуш, і зроблю
Маленьку книжечку: хрестами
І везерунками з квітками
Кругом листочки обведу,
Та й списую «Сковороду»,
Або «Три царіє со дари»;
Та сам собі у бурьяні,
Щоб не почув хто, не побачив,
Виспівую було та плачу.

Такимъ образомъ, къ личному бездолю присо-
единилось еще новое горе—муки неудовлетвореннаго
творчества: не всегда же возможно было удовле-
творять этой постробности даже по задворкамъ,
тѣмъ болѣе, что жизнь у Бугорскаго становилась
крайне тяжелой. Съ нищетой, полуголоднымъ со-
стояніемъ Шевченко могъ бы примириться, но три-
надцатилѣтній мальчикъ не могъ выносить деспотиз-
ма пьянаго дьячка. Бугорскій обходился жестоко не
съ однимъ Тарасомъ, но и съ другими школярами;
и понятно, они глубоко ненавидѣли своего учи-
теля. Безтолковая придирчивость сдѣлала учениковъ
въ отношеніи къ нему лукавыми и мстительными; они
надували его при каждомъ удобномъ случаѣ и дѣлали
ему всевозможныя пакости. Въ своемъ извѣстномъ
автобіографическомъ письмѣ Шевченко пишетъ: «Этотъ
первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ своей
жизни, поселилъ во мнѣ навсегда глубокое отвра-
щеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного че-
ловѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было
оскорблено миллионъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ,

какъ вообще кончаютъ выведенные изъ терпѣнія без-
защитные люди — мстью и бѣгствомъ. Найдя его
однажды безчувственно пьянымъ, я употребилъ про-
тивъ него собственное его оружіе—розги и, насколько
хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за все его
жестокости. Изъ всехъ пожитковъ пьяницы дьячка
драгоценнѣйшею вещью казалась мнѣ книжечка
съ кунштукками, т. е., гравированными картинками,
вѣроятно, самой плохой работы. Я не смель грѣ-
хомъ или не устоялъ противъ искушенія похитить
эту драгоценность,—и ночью бѣжалъ въ мѣстечко
Лисянку».

Здѣсь, въ Лисянкѣ, Тарасъ пристроился у
дьякона — маляра, который мало тѣмъ отличался по
характеру отъ Бугорскаго. Тщетно мальчикъ ожи-
далъ, что дьяконъ начнетъ его учить живописи;
ученье ограничивалось тѣмъ, что его заставляли но-
сить воду и растирать краску мѣдянку. Не выдер-
жалъ Тарасъ и бѣжалъ въ село Тарасовку къ новому
маляру, съ твердымъ намѣреніемъ все претерпѣть и
усвоить искусство своего учителя. Но, увы! послед-
ній посмотрѣлъ на лѣвую руку мальчика и отка-
залъ наотрѣзъ; онъ объяснилъ, что у Тараса нѣтъ
способности ни къ чему — «ни даже къ шевству чи
бондарству». Потерявъ всякую надежду сдѣлаться
когда-либо хоть посредственнымъ маляромъ, Тарасъ
съ сокрушеннымъ сердцемъ вернулся въ родное се-
ло и сдѣлался пастухомъ. Цѣлые дни проводилъ
онъ среди природы, читая захваченную имъ кни-
жечку съ кунштукками. Охваченный прелестью при-
роды, онъ приходилъ въ умиленіе, молился, пла-
калъ; порой тосковалъ, «що не дав йому Бог долі».
Видимо, художественный геній не давалъ ему возмож-
ности успокоиться. И вотъ Тарасъ бросаетъ свое

занятіе. Нѣкоторое время прожилъ онъ у брата Никиты, который тщетно старался приучить его къ хозяйству, и снова отправился искать счастья въ селеніе Хлѣбновку, славившуюся малярами. Одинъ изъ нихъ нашель въ юношѣ (Тарасу въ это время было 15 лѣтъ) необычайныя способности, но побоялся держать у себя: у Шевченко не было паспорта; маляръ посоветовалъ ему испросить разрѣшеніе у управляющаго Энгельгардта учиться живописи. Снова Тарасъ отправился на родину; но тамъ вмѣсто разрѣшенія его ожидало иное; юношу зачислили въ панскую дворню.

Въ такихъ-то скитаніяхъ протекло отрочество великаго пѣвца Украйны; эти годы принесли много горя и тяжкихъ огорченій, но нельзя не замѣтить, что они же доставили Тарасу цѣлый рядъ новыхъ и самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Во время своихъ странствованій онъ познакомился детально съ краемъ, гдѣ нѣкогда происходили историческія событія; столкновенія съ людьми заставили его приглядѣться къ ихъ крѣпостной жизни; бесѣды и рассказы доставили обильный матеріалъ для характеристики современнаго быта и историческаго прошлаго Украйны. Всѣмъ этимъ онъ и воспользовался въ будущемъ, какъ поэтъ. Недаромъ въ «Эпилогѣ» къ «Гайдамакамъ» онъ съ глубокой признательностью вспоминаетъ объ этомъ періодѣ своей жизни.

Давно те минуло, якъ мала дитина,
Сирота в ряднині—я колись блукав
Без свити, без хліба, по тій Україні,
Де Залізняк, Гонта з свяченим гуляв.
Давно те минуло, як тими шляхами,
Де йшли гайдамаки, малими ногами

Ходив я, та плакав, та людей шукав,
Щоб добру навчили... Я тепер згадав,
Згадав та й жаль стало, що лихо минуло.
Молодее лихо! Як би ти вернулось,
Проміняв би дощо, що маю тепер!..

Управляющій имѣніями Энгельгардта, нѣкій Дмитренко, не только не позволилъ ему учиться малярству, но опредѣлилъ въ панскую дворню. Тараса отправили на кухню учиться кулинарному искусству.

Это случилось въ 1829 году, когда поэту минуло 18 лѣтъ. Итакъ, онъ снова «попихачъ». Наколоть дровъ, принести воды, почистить посуду, приготовить ту или другую провизію — вотъ на что тратились юныя силы. Понятно, что онъ не могъ сжиться съ такою жизнью. Побуждаемый развивающимися художественными инстинктами, Тарасъ часто убѣгалъ въ пустыри (укромные углы), тамъ онъ копировалъ лубочныя картины.

ГЛАВА III.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась такая двойственная жизнь, которая заставляла его переходить отъ печки къ рисунку; но скоро съ Тарасомъ произошла новая перемѣна—онъ былъ произведенъ въ комнатные казачки къ барину Энгельгардту, и оборванный поваренокъ—бродяга облекся въ тиковую куртку, такіе же шаровары съ лампасами, клеенчатую фуражку и поселился въ барской передней. По первому приказу барина, онъ долженъ

былъ являться и подать тутъ же торчащую трубку или налить стаканъ воды и затѣмъ снова отправиться въ уголь передней; здѣсь, чтобы разсѣять томительную муку, Тарасъ чуть слышнымъ голосомъ напѣвалъ унылыя гайдамацкія пѣсни или срисовывалъ украдкой картины суздальской школы, украшавшія барскія комнаты. Помѣщикъ Энгельгардтъ былъ человѣкъ дѣятельный: онъ часто ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, Варшаву или Петербургъ и постоянно бралъ съ собой своего козачка. Частыя поѣздки не только не ослабили страсти Тараса къ рисованію, но еще усилили ее; такому развитію способствовали и новыя впечатлѣнія и пріобрѣтеніе лубочныхъ картинъ, которыя онъ доставалъ всякими правдами и неправдами. Шевченко пользовался каждой свободной минутой, чтобы тщательно срисовывать ихъ, вполне отдаваясь этому занятію и разъ въ Вильнѣ жестоко поплатился за свою страсть. Какъ-то зимою Энгельгардтъ возвратился очень поздно съ бала и засталъ Тараса за копированіемъ картины, на которой изображенъ былъ атаманъ Платовъ. Увлечшійся художникъ и не замѣтилъ прихода своего барина. Баринъ выдралъ его за уши—не за искусство (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что Тарасъ могъ не затушить огней и ежечь не только домъ, но и городъ. На другой день баринъ приказалъ кучеру выпороть художника, что и было исполнено вполне добросовѣстно.

Наконецъ, въ Варшавѣ Энгельгардтъ внялъ неотступной просьбѣ Тараса и отдалъ его въ ученики къ какому-то маляру. Послѣдній подмѣтилъ въ юношѣ огромный талантъ и былъ настолько добросовѣстенъ, что указавъ на это помѣщику, посоветовавъ обратиться къ лучшему художнику, который бы

развилъ художественный даръ мальчика. Помѣщикъ и самъ былъ не прочь имѣть собственнаго художника, какъ имѣлъ своихъ псарей, поваровъ, какъ другіе имѣли собственныхъ музыкантовъ, даже врачей,—и отдалъ его къ художнику Лампи; но занятія у этого художника были непродолжительны: въ 30 году Энгельгардтъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Варшавѣ возникла у Тараса первая серьезная привязанность къ какой-то швей-полькѣ. Обоюдная любовь росла. Милая, энергичная полька оцѣнила «крипака», какъ умнаго, сердечнаго юношу. Благодаря ей Шевченко въ совершенствѣ усвоилъ польскій языкъ, хотя и раньше онъ говорилъ на немъ. Вместе они читали Мицкевича, слава котораго къ этому времени достигла апогея, и другихъ польскихъ поэтовъ. Знаніе польскаго языка раскрыло предъ нимъ широкій міръ просвѣщенія и человѣческой свободной жизни общей и личной съ любимой женщиной.

Но бракъ между влюбленными не состоялся; вѣдь Тарасъ былъ крѣпостной: кто же изъ свободныхъ женщинъ рѣшится связать свою участь съ судьбою раба? Шевченко испыталъ всю горечь отказа и послѣдовавшей разлуки. Но не одно оскорбленное самолюбіе терзало его—что самолюбіе! Теперь наиболѣе остро почувствовалъ онъ весь ужасъ своего рабскаго состоянія, и понялъ онъ, какъ глубоко унижены его человѣческія права. Но безпомощному рабу оставалось одно—горевать и плакать. Вскорѣ Тарасъ этапнымъ порядкомъ, въ числѣ иной дворни, былъ отправленъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ попрежнему продолжалъ исполнять лакейскія обязанности, но это длилось недолго. Назойливыя просьбы юноши заставили помѣщика законтрактовать его на 4 года

къ нѣкоему малярныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву; (По сознанію поэта, Ширяевъ соединилъ въ себѣ таланты всѣхъ прежнихъ его учителей). Шевченко немного вынесъ изъ занятій у мастера; талантъ не разовьешь за разрисовкой плафоновъ и карнизовъ; Тарасъ понялъ это и въ свободныя минуты, пользуясь бѣлыми ночами, уходилъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй. Цѣлыя ночи напролѣтъ просиживалъ онъ здѣсь за работой да мечталъ о собственной участи, о родинѣ, свободной жизни. Здѣсь же, въ саду, начались и первые его литературные опыты. Изъ произведеній этого періода впоследствии напечатана одна баллада «Причинна». Задуманной мечтою Тараса было поступить въ академію художествъ; но доступъ туда крѣпостнымъ былъ закрытъ, какъ и въ университеты. Такое запрещеніе было вызвано тѣмъ, что многіе изъ крѣпостныхъ подъ вліяніемъ образованія, не выносили впоследствии своей горькой участи и кончали съ собой...

Такимъ образомъ, и Шевченку волею обстоятельствъ приходилось довольствоваться ничтожнымъ руководствомъ Ширяева да личнымъ трудомъ.

Вскорѣ способности молодого художника широко развернулись: его портреты стали извѣстны многимъ; тогда и самъ баринъ обратилъ на него вниманіе и сталъ заказывать ему портреты своихъ знакомыхъ, а за удачное исполненіе работы милоостиво одаривалъ «кріпака» цѣлымъ рублемъ. Вѣроятно, Тарасъ и кончилъ бы крѣпостнымъ маляромъ, если бы не случайное знакомство съ Сошенко, ученикомъ академіи художествъ, знакомство, повлекшее за собой чрезвычайно важныя послѣдствія.

Родственникъ Ширяева, посѣщавшій академію, какъ то въ кругу академистовъ рассказаль о не-

обычайныхъ способностяхъ Шевченко. Сошенко заинтересовался землякомъ, пожелалъ съ нимъ познакомиться; объ этомъ было передано Шевченку, и въ одно изъ воскресеній Тарасъ явился къ земляку въ такомъ видѣ: на немъ былъ замасленный тиковый халатъ; рубаха и панталоны изъ толстаго деревенскаго сукна были запачканы краской; босой, растрепанный и безъ шапки, онъ былъ угрюмъ и застѣнчивъ. Съ этого времени Тарасъ каждое воскресенье посѣщалъ Сошенка.

Убѣдившись въ огромномъ талантѣ юноши, его страсть къ отношенію къ искусству, Сошенко познакомилъ его съ Гребенкой и съ конференцъ-секретаремъ академіи Григоровичемъ.

Гребенка, талантливый переводчикъ и писатель, обратилъ вниманіе на юношескіе опыты Шевченко; инстинктомъ поэта онъ почувялъ въ Тарасѣ грядущую силу, силу новую—народнаго поэта и всѣ мѣры употребилъ, чтобы развить эту силу.

Зажиточный помѣщикъ, для своего времени очень развитой человекъ, Гребенка часто помогаль Тарасу деньгами, снабжалъ книгами. На своемъ чердакѣ Шевченко съ жадностью поглощаль одну книгу за другой. Правда, такое чтеніе было безсистемнымъ, но оно дало поэту возможность, какъ мы это увидимъ, основательно познакомиться не только съ отечественными писателями и исторіей, но и съ нѣкоторыми иностранными (напр., съ Байрономъ въ польскомъ переводѣ), даже съ нѣкоторыми классиками—съ Ювеналомъ, вліяніе котораго замѣтно въ «Неофитахъ». Но еще большее значеніе имѣль для Шевченко тотъ кружокъ молодыхъ писателей, которые группировались возлѣ Гребенки.

Сужденія молодежи сильно дѣйствовали на Тараса; подъ ихъ вліяніемъ въ немъ снова пробудилось сознание своего человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознание своихъ обязанностей относительно своего народа. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ не могъ относиться равнодушно къ крѣпостнымъ устоямъ, не къ своему только положенію, а и къ участи своихъ землякомъ и близкихъ. И вотъ начинается вліяніе Шевченко на дворовыхъ Энгельгардта, за которое ему едва не пришлось жестоко заплатить. Вотъ что по этому поводу передаетъ Сошенко: «Прехтель, управляющій помѣщика, возненавидѣлъ Тараса за его вольныя рѣчи съ дворовыми, которые, заразившись отъ него «вольнодумствомъ», и сами начали «вольничать», заявляя предъ дворецкимъ о своихъ человѣческихъ правахъ. Взбѣшенный ляхъ рѣшился проучить главнаго виновника. Съ субботы на воскресенье кучеру приказано было приготовить на конюшнѣ все, необходимое для сѣкуціи. На другой день, едва только защитники вольности и правъ показали на господскомъ дворѣ, его схватили и стали тащить на конюшню. Сошенко принялъ на себя роль адвоката предъ дворецкимъ; но просьбы не помогали. Къ счастью для Тараса, въ это дѣло вмѣшалась молоденькая жена Прехтеля. Предстательство ея едва утомившаго расхолодившуюся кровь супруга, и Шевченко былъ спасенъ. Что долженъ былъ испытывать Тарасъ, сознававшій уже въ себѣ художественныя и поэтическія силы, у котораго притомъ жажда воли достигла крайняго предѣла,—предоставляемъ судить читателю. Скажу только, что напряженное состояніе поэта къ концу крѣпостнаго періода его жизни возрасло до такой степени, что неизвѣстно, чѣмъ бы закончилась жизнь Тараса,

если бы во время не подоспѣла благодѣтельная помощь Жуковскаго.

Друзья Шевченко обратили вниманіе Жуковскаго на талантливаго юношу. Гуманный поэтъ, чуткимъ сердцемъ относившійся ко всякому горю, съ глубокой симпатіей отнесся къ «крѣпаку». Желая убѣдиться въ степени талантовости Шевченко, Жуковскій попросилъ его описать крестьянскій бытъ. Мы не знаемъ, какъ Шевченко выполнилъ эту работу, но сближеніе съ Жуковскимъ постепенно возрастало; послѣдній довѣрялъ художественнымъ вкусамъ Тараса, хотя порой не соглашался съ его мнѣніями и въ послѣдствіи, въ 40-хъ годахъ называлъ его «испорченнымъ ученикомъ Брюлова». Между тѣмъ положеніе молодого человѣка съ каждымъ днемъ становилось печальнѣе. Одна мысль, что онъ рабъ, приводила его въ трепеть. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, которое на всю послѣдующую жизнь поэта могло оказать огромное вліяніе и, несомнѣнно, кончилось бы катастрофой. Какой-то генераль заказалъ ему портретъ; но, когда онъ былъ конченъ, заказчикъ не захотѣлъ его принять. Обозлившійся Тарасъ продалъ этотъ портретъ для вывѣски въ ту парикмахерскую, гдѣ имѣлъ обыкновеніе бриться генераль. Съ намышленной цѣкой генеральскій портретъ былъ прибитъ къ двери парикмахерской. Генераль изъ мести хотѣлъ купить Шевченко у Энгельгардта. Къ счастью, переговоры о выкупѣ Тараса были уже начаты Жуковскимъ; генераль получилъ отказъ: Энгельгардту дали понять о нежелательности такой сдѣлки. Для выкупа Шевченка Брюловымъ былъ написанъ портретъ Жуковскаго. Послѣдній устроилъ лотерею, портретъ былъ разыгранъ за 2500 рублей между членами Импе-

раторской фамилии и этой цѣной купили поэту свободу.

ГЛАВА IV.

Свобожденіе произошло 22-го апрѣля 1838 года. Признательный поэтъ въ воспоминаніе этого событія посвятилъ Жуковскому одно изъ лучшихъ своихъ произведеній—поэму «Катерину». Съ того же дня Тарасъ началъ посѣщать академію и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ—товарищемъ Брюлова. Тарасъ былъ настолько близокъ къ послѣднему, что нѣкоторое время жилъ у него. Въ великолѣпной мастерской своего учителя онъ занимался не однимъ рисованіемъ: здѣсь, какъ въ знойной степи приднѣпровской, мелькало предъ нимъ украинское козачество, мученическія тѣни бѣдныхъ гетмановъ; передъ нимъ разстилалась степь, усѣянная курганами, родина во всей красотѣ своей, и онъ задумывался, бросалъ палитру, принимался за стихи. Такъ проходила академическая жизнь Тараса въ борьбѣ между двумя призваніями—живописца и поэта, въ постоянномъ общеніи съ лучшей академической молодежью и ея руководителемъ—Брюловымъ. Эта молодежь боготворила своего учителя, называла его не иначе, какъ «великимъ Карломъ» (съ легкой руки Жуковского, впервые надѣлившаго художника такимъ эпитетомъ). И действительно, колоссальный талантъ Брюлова, такъ ярко, хотя и не безъ аффектаціи, проявившій себя въ знаменитой картинѣ «Послѣдній день Помпеи», легкость и граціозность его ри-

сунковъ, быстрота художественной работы—все это поражало молодежь. Но не менѣе увлекало и иное—развитіе Брюлова: прогулки съ учениками по Эрмитажу всегда сопровождались имъ обстоятельными разъясненіями, цѣлыми лекціями по эстетикѣ, исторіи искусства, художественной teknikѣ; въ особенности же молодежь дорожила простотой обращенія и задушевностью своего учителя. Въ его глазахъ академисты были не учениками, а младшими товарищами, подчинившимися болѣе опытному мастеру. И вліяніе Брюлова на учениковъ было очень велико: его художественные вкусы дѣлались вкусами и молодежи, его эстетическіе взгляды раздѣлялись и кружкомъ, вращавшимся около этого свѣтила. Подобно другимъ, подчинился своему учителю и Тарасъ. Много лѣтъ спустя, онъ цитировалъ слова Брюлова, въ которыхъ высказался взглядъ его на искусство, какъ нѣчто атворитетное, и съ благоговѣніемъ отзывался о немъ, какъ о чловѣкѣ, пока не подмѣтилъ въ немъ отвратительнаго порока—чрезмѣрной скупости. Тогда честная душа Тараса не выдержала: онъ отвернулся отъ «великаго Карла».

Шевченко обязанъ кружку Брюлова не только своими эстетическими взглядами и серьезнымъ отношеніемъ къ искусству, но и любовью къ самобытности, въ чемъ бы она ни проявлялась: Тарасъ преклонялся предъ русской архитектурой XVI, XVII вѣковъ, высоко цѣнилъ ея оригинальную грацію, которой не мѣшаетъ даже нѣкоторая тяжеловѣсность формъ; онъ боготворилъ Глинку, какъ гениальнаго музыканта, любилъ серьезную вдумчивость Гайдна, въ особенности же плѣнялся Шопеномъ, въ музыкѣ котораго слышится столько славянской задушевности. Такимъ отношеніемъ къ различнымъ представителямъ искусства Та-

рась немало обязанъ тѣмъ спорамъ объ искусствѣ, его задачахъ и цѣляхъ, которые происходили въ Брюловскомъ кружкѣ. Но этой же молодежи онъ обязанъ и началомъ той страсти, которая, несомнѣнно подкосила его здоровье. Слишкомъ ужъ весело иногда проводили въ этомъ кружкѣ время, въ особенности, когда собирались у Кукольника. Эти пирушки на первыхъ порахъ сильно увлекали Шевченко и отразились на немъ впоследствии. Благоразумный Сошенко сдерживалъ своего друга отъ чрезмѣрныхъ увлеченій, и, само собой разумѣется, бесплодно. Кто 24 года провелъ въ невозможныхъ житейскихъ отношеніяхъ, былъ нищимъ, пастухомъ, лакеемъ, кого мыкала жизнь, какъ попыхача, тому трудно удержаться въ предѣлахъ благоразумія. Но Сошенко упрекалъ Тараса не за одну лишь пустую жизнь, а и за его страсть къ поэзіи.

— Эй, Тарасе, схаменись, говорилъ Сошенко:— чому ти діла не робиш? Чого тебе нечиста носитъ по тим гостямъ? Чого ти там все пишеш щось, а не малюеш? Що вийде з твоїх віршів?

Бѣдняга не могъ предвидѣть, что эти «вірші» (стихотворенія) и доставили Шевченку неувядаемую славу.

Въ 1840 году вышелъ первый сборникъ стихотвореній Шевченка—«Кобзарь». Сюда вошли баллады: «Утоплена», «Причинна», «Тополя», стихотворенія, относящіяся къ казацкому прошлому Украины: «Іван Підкова», «Тарасова ніч», «До Основьяненка», поэма «Катерина» и нѣсколько думъ. Въ слѣдующемъ году изданы поэмы: «Гамалія» и «Гайдамаки».

Первоосновою творчества Шевченка послужили разнообразныя народныя произведенія — преданія, пѣсни и думы; этимъ народнымъ достояніемъ прежде

всего и воспользовался Тарасъ. Но его муза не слѣдуетъ рабски за всѣмъ, что выражалъ народъ: она идетъ по пути, проторенному народными пѣвцами, идетъ дальше самихъ пѣвцовъ, и не въ томъ только отношеніи, что Тарасъ создалъ самостоятельныя ярко-художественныя формы, образы и картины, но и въ другомъ: онъ указываетъ народу идеалы его дальнѣйшей жизни, идеалы глухо, неопредѣленно затронутые въ устной поэзіи и потому невѣдомые массѣ.

Такъ пѣть, какъ пѣлъ Шевченко, украинская масса еще не можетъ; но въ будущемъ, съ развитіемъ образованія, она воспользуется поэзіей своего кобзаря и для знакомства съ своей исторіей (поэты являются для народа лучшими историками), и съ положеніемъ женщины, и съ душевнымъ настроеніемъ лучшихъ сыновъ Украины въ самый ужасный періодъ ея жизни, періодъ крѣпостничества.

Въ своихъ первыхъ балладахъ Шевченко коснулся доли дѣвичьей. Идеализація, какая замѣтна въ обрисовкѣ поэтомъ дѣвичьихъ характеровъ, вызвана непосредственнымъ вліяніемъ народной поэзіи. И тамъ дѣвушка обрисована крайне симпатичными чертами: она кротка и покорна, она до нельзя предана своему милому. Въ любимаго человѣка для нея ничего не существуетъ. Такова она и въ балладахъ Шевченко.

И въ поэзіи Шевченко для «дівчини»

Без милого батько, мати,

Як чужий люди;

Без милого сонце світить,

Як ворог сміється;

Без милого скрізь могила.

Сюжетъ всѣхъ этихъ балладъ крайне простъ и извѣстенъ: и дѣвица, любящая до самозабве-

нія, и обычныя пережитія любовной драмы: отъѣздъ милого, долгая разлука или его гибель и страданія оставленной дѣвушки, ея отчаяніе и насильственная смерть своя или своего ребенка, обращеніе въ тополию, русалку—все это много разъ варьировалось поэзіей всѣхъ странъ и народовъ, начиная съ безыскусственной пѣсенки, уныло звучащей въ устахъ крестьянки, и кончая толстыми романами или длиннѣйшими драмами.

Да, сюжетъ старъ, какъ міръ, но и вѣчно новъ, какъ новы частности повседневной жизни, съ главными чертами которой каждый знакомъ. Суть жизни—не въ этихъ основныхъ чертахъ, а въ той массѣ подробностей, которыми жизнь и характеризуется. Такъ и въ шевченковскихъ балладахъ: важность заключается не въ сюжетѣ, сказочный характеръ котораго такъ знакомъ намъ по многимъ народнымъ сказаніямъ, а въ поэтическихъ подробностяхъ, полузабытыхъ нами; а между тѣмъ эти подробности, блестяще изображенныя крупнымъ талантомъ, таковы, что баллады «Тополя», «Прачынна» и «Утоплена» способны привлекать вниманіе читателя даже теперь, когда и нѣмецкій романтизмъ—родоначальникъ новѣйшей баллады—отжилъ свое время, и идеализація является смѣшной и ненужной.

Параллельно съ изображеніемъ дѣвушки въ «Кобзарѣ» 1840 года изображено и прошлое Украины въ лицѣ украинскаго казачества.

Молодыя грезы поэта рисуютъ это прошлое восторженно-односторонними витрихами: въ немъ господство, слава, воля, купленные геройствомъ дѣдовъ, умѣвшихъ умирать за свои идеалы... Отъ этого прошлаго осталось только одно—высокія могилы, а потомками героевъ, ратовавшихъ за волю и

рыцарскую честь, явились мирные пахарь... И личная жизнь шла тогда шире, вольнѣе: «тихо танцювало». Широкіе идеалы казачества въ связи съ привольной жизнью вызываютъ у поэта социальніе объ утраченномъ прошломъ, въ особенности при сравненіи съ современнымъ ему безправнымъ положеніемъ закрѣпощенной родины и народной бѣдностью.

Въ думахъ о людяхъ этого прошлаго поэтъ и хочетъ отдохнуть душой, успокоить свое скорбное сердце. Тѣ люди—не чета нынѣшнимъ. Разъ они задумали добыть славу, ихъ ничто не въ силахъ остановить; они всѣмъ жертвуютъ для нея. Підкову, украинскаго гетмана, не останавливаютъ никакія затрудненія: въ жестокую бурю съ горстью козаковъ онъ рѣшается предпринять походъ на Константинополь. И, посмотрите, какъ гордо заявляетъ онъ о своемъ намѣреніи:

Нехай ворог гине!
Не в Синоу, атамани,
Панове—молодці,
А у Царьград до султана
Поїдемо в гості.

Подобной же идеализаціей отмѣчено и казачество: вольные, какъ вѣтеръ, казаки ничего не страшатся. Смѣясь надъ бурей, надъ муками въ плѣну, съ веселой пѣсней они совершаютъ свои походы для важныя, для освобожденія изъ плѣна своихъ братьевъ, покорные только волѣ одного атамана.

Не менѣе могучими натурами являются въ казацкихъ поэмахъ Шевченка и тѣ изъ гетмановъ, которыхъ исторія выдвинула на кровавую борьбу съ поляками. Таковы Наливайко, Павлюкъ, Тарасъ

Трясыло—герои ожесточенной вѣковой борьбы съ Польшей. Ни въ одной изъ историческихъ поэмъ, рисующихъ кровавую борьбу вызванную неправильными политическими отношеніями — исторической несправедливостью эпохъ борьба не изображена такъ ярко, какъ въ поэмѣ «Тарасова ніч». Послѣ 1569 года, въ особенности же послѣ Брестской уніи 1596 года, правительство Рѣчи Посполитой смотрѣло на Украинну, какъ на завоеванную страну, гдѣ оно вправѣ распоряжаться произвольно. Начались новыя отношенія къ народу, невѣдомыя дотолѣ на Украинѣ. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы постепенно ополячить страну разными средствами—путемъ церковной уніи, попранія исконныхъ правъ населенія, насильственныхъ дѣйствій со стороны польскихъ чиновниковъ всѣхъ ранговъ и видовъ. Наступило тяжелое время:

Виростають нехрещені
Козацькі діти;
Кохаются невінчані;
Без попа ховають;
Запродана наша віра,
В церкву не пускають!
Як та галіч поле криє,
Ляхи, уніяти
Налітають—нема кому
Порадоньки дати.

Народъ застоналъ... Попытки насильственного противодѣйствія поляковъ кончились неудачею, пока не отозвался на народное дѣло Тарасъ Трясыло, выбранный гетманомъ Украинны въ 1624 году.

Тарасъ Трясыло жестоко отомстил полякамъ за гнѣтъ «неправду» (по народному выраженію) въ

битвѣ близъ Переяславля. Воспользовавшись безпечностью поляковъ, Тарасъ на разсвѣтѣ напалъ на нихъ и поголовно истребилъ. Эта то Тарасова ніч (по выраженію одного изъ историковъ Украинны) поэтически и изображена Шевченкомъ въ поэмѣ того же имени. Трясыло обрисованъ въ поэмѣ безжалостной натурой. Онъ полный представитель того кроваваго времени, когда народъ потерялъ всякое сожалѣніе къ слабому или застигнутому врагъ противнику; горькимъ опытомъ онъ зналъ, что, не истреби самъ врага, послѣдній уничтожитъ его самого. Трясыло и уничтожилъ враговъ поголовно.

Дягло сонце за горою,
Зірки засіяли,
А козаки, як та хмара,
Ляхів обступали.
Як став місяць серед неба,
Ревнула гармата;
Прокинулись ляшки-панки
Нікуди втікати!
Прокинулись ляшки-панки
Та й не повставали:
Зійшло сонце, ляшки-панки
Покотом лежали.

Но ни въ одной изъ историческихъ поэмъ Шевченко эта борьба не изображена съ такой силой, какъ въ «Гайдамакахъ».

«Гайдамаки»—эпопея, изображающая кровавый финалъ одного изъ массовыхъ украинскихъ движеній конца 18 вѣка. По блестящей художественной обработкѣ, массѣ лицъ и драматическихъ картинъ, образцовому языку и стиху—эта эпопея признается крити-

ками перломъ шевченковской поэзи. «Гайдаки» не такъ объективны, какъ «Наймычка»; въ нихъ — много лирическихъ отступленій, но эти то отступленія и важны. Безъ нихъ поэма способна навести на читателя одинъ ужасъ при мысли о морѣ крови, пролитой гайдаками за поруганную родину, за попрание чести и человѣческихъ правъ. Описаніе гайдацкихъ жестокостей, дошедшихъ до крайняго предѣла, проведено Шевченкомъ такъ ярко, выпукло, что предъ ними блѣднѣють положительныя явленія, изображенныя въ поэмѣ—и идеальная любовь Галайды къ Оксанѣ и муки несчастнаго Гонты, убившаго своихъ дѣтей изъ любви къ Украинѣ. Но достаточно серьезно отнестись къ содержанию поэмы, вдуматься въ ея основную мысль, чтобы впечатлѣніе отъ кровавыхъ сценъ значительно ослабѣло. Не общее мѣсто я хочу напомнить, что народъ вездѣ и всюду представляетъ собою толпу, способную въ крайнемъ озлобленіи убить все безъ разбору, и что, стало быть, смыслъ движенія гайдамаковъ ясенъ и можетъ быть объясненъ такъ: когда въ народѣ въ теченіе вѣковъ подавляется кровавыми насиліями его стремленіе къ самостоятельной жизни, то и онъ при случаѣ мститъ кровью. Нѣтъ, не это я имѣю въ виду, а ту скорбь поэта, тѣ «незримыя» его слезы, которыя вызваны раздумьемъ надъ причинами, вызвавшими тяжкую расправу героя въ его поэмѣ.

Оттаке-то було лихо
По всій Украині,
Гірше некла... А за віщо,
За що люди гинуть?
Того-ж батька, такі-ж діти,
Жити б та брататься...

Ні, не вміли, не хотіли—
Треба розьєднатьця!
Болить серце, як згадаши:
Старих слав'ян діти
Впились кровью, а хто винен!
Кзездзи, сзуйти!

Въ послѣсловіи къ «Гайдамакамъ» Шевченко вторично подчеркиваетъ эту основную мысль поэмы. «Весело подивитесь на сліпого кобзаря, як він сидить собі з хлопцем, сліпий, під тином, і весело послухать его, як він заспіває думу про те, що давно діялось: як боролися ляхи з козаками... Весело... А все таки скажемъ: слава Богу, що минуло. А надто, як згадаеш, що ми одної матері діти, що всі ми слав'яне—серце болить, а розказувать треба: нехай бачуть сини й внуки, що батьки їх помилялись, нехай братаютьця знову з своїми ворогами».

Кобзарь Шевченко для украинской интеллигенціи былъ своего рода откровеньемъ, написаннымъ огненной рѣчью. Въ этомъ откровеніи и скорбь поэта и горечь, и желчь и его веселость—правда рѣдкая—все отразилось въ дивныхъ образахъ и картинахъ для того, чтобы познакомить эту интеллигенцію съ прошлымъ Украины, котораго она не знала, показать и ея современное положеніе, главнымъ образомъ—жизнь простого люда, къ которому она относилась съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

И интеллигенція буквально набросилась на «Кобзаря»; его стихи заучивались наизусть, стали думать его думами, говорить его языкомъ.

Такимъ образомъ, со времени появленія «Кобзаря» началось развитіе національнаго самосознанія украинцевъ.

ГЛАВА V.

В 1844 году Шевченко заканчивает курсъ въ академіи и съ званіемъ «свободнаго художника» уѣзжаетъ на родину, куда его такъ неудержимо тянуло.

Помимо свиданія съ родными, которымъ поэтъ былъ не въ силахъ помочь—вѣдь они были крѣпостными—цѣль поѣздки состояла въ томъ, чтобы собрать необходимый художественный матеріалъ для будущаго сборника «Живописная Украина».

Для этого, конечно, приходилось разѣзжать повсюду—осматривать монастыри, старинныя церкви съ ихъ иконами, утварью, облаченіемъ; знакомиться съ старосвѣтскими помѣщиками «батюшками и матушками», наблюдать ихъ бытъ и срисовывать все, наиболѣе замѣчательное.

Поѣздка по Украинѣ была сплошнымъ триумфомъ для поэта: всюду его принимали съ восторгомъ, всякій считалъ за честь видѣть у себя роднаго кобзаря. Для него устраивались обѣды, поѣздки, шикники. Общее вниманіе невольно подкупаетъ. Радущіе земляковъ трогало Тараса: вѣдь онъ такъ мало видѣлъ участія въ своей жизни...

Но такое увлеченіе общественнымъ вниманіемъ не могло долго продолжаться. Достаточно было малѣйшей несправедливости со стороны помѣщика къ крѣпостнымъ, чтобы Шевченко не только вознегодовалъ, но и прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Чубинскій, одно время совершавшій съ нимъ поѣздки, приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ два характерныхъ случая такого негодованія. Какъ-то разъ Шев-

ченко пріѣхалъ на званый обѣдъ къ одному помѣщику. Входитъ поэтъ въ переднюю и застаётъ слугу спящимъ; само собой разумѣется, послѣдній не могъ снять платье съ вошедшаго; вѣжливый хозяинъ самымъ деликатнымъ образомъ разбудилъ дремавшаго слугу; Шевченко это такъ возмутило, что онъ тотчасъ же уѣхалъ домой. Въ другой разъ одинъ изъ почитателей поэта прислалъ къ нему въ суровую зиму за 30 верстъ своего человека съ неперемѣннымъ приказаніемъ вернуться въ тотъ же день домой. Шевченко сначала не повѣрилъ въ возможность такого приказанія, но не рѣшился удержать посланца, а написалъ своему пріятелю письмо, вслѣдствіе котораго они навсегда сдѣлались врагами... Да и вообще Шевченко не могъ искренно веселиться на пирахъ, устраиваемыхъ въ честь его помѣщиками.

Его не покидала мысль о томъ, чѣмъ трудами добыто это помѣщичье благополучіе или роскошь, и эта мысль отравляла ему спокойствіе, заставляла терзаться надъ вопросами.

Чого міні тяжко? чого міні нудно?
Чого серце плаче, ридає, кричить,
Мов дитя голодне?.. Серце мое трудне,
Чого ти бажаєш, що в тебе болить?

Поэтъ, конечно, зналъ, чего хотѣло его наболѣвшее серце, почему—

За думою дума роємъ вилітає;
Одна давить серце, друга роздирає,
А третя тихо, тихесенько плаче.
У самому серці і ніхто не баче;

но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что въ той средѣ, куда онъ случайно попалъ, какъ гость, ему не съ кѣмъ

подѣлиться этими думами. И поэтъ мучительно спрашиваетъ себя

Хто тую мову
Привітає, угадає
Великеє слово?
Всі оглухли, похилились
В кайданах.

И потому, разочаровавшись въ людяхъ, терзаемый безсиліемъ подѣйствовать на нихъ, онъ обращается къ своему сердцу:

Засни, мое сердце, на віки засни,
Невкрите, голодне... А люд нависний
Нехай скаженіє... Закрий, сердце, очі!

Во время путешествія Тарасъ Григорьевичъ познакомился съ семействомъ кievскаго генералъ-губернатора, князя Репнина. Приглашенный, какъ художникъ, въ имѣніе князя Яготинъ, Шевченко и по окончаніи работы остался погостить въ семействѣ князя. Особенно симпатизировала поэту дочь князя Варвара Николаевна; между ними возникли дружескія, чисто братскія отношенія. Своимъ вліяніемъ она не разъ удерживала Тараса отъ рѣзкихъ выходокъ, которыя могли ему сильно повредить. Покровительство княжны неизмѣнно продолжалось въ теченіе всей жизни поэта; ей онъ очень многимъ обязанъ: она его рекомендовала, какъ художника, своей аристократической семьѣ; она ходатайствовала предъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ, который былъ ея двоюроднымъ братомъ, о назначеніи Шевченко учителемъ рисованія въ кievскій университетъ; она хлопотала за поэта впоследствии, когда онъ впалъ въ бѣду; она же способствовала и распространенію его произведеній... Такое сердечное

участіе рѣдко кому выпадаетъ на долю; и благодарный Тарасъ привязался къ Варварѣ Николаевнѣ, какъ «къ единой своей заступницѣ милой сестрѣ, дорогой названой дочкѣ»—такими эпитетами онъ всегда сопровождалъ имя княжны и въ письмахъ къ друзьямъ, и въ своихъ стихотвореніяхъ, многія изъ которыхъ имѣютъ отношеніе къ этому доброму ангелу поэта.

Тогда же Шевченко и назначается учителемъ рисованія въ кievскій университетъ. Въ 1845 году онъ прибылъ въ Кіевъ и здѣсь познакомился съ интеллигентнымъ кружкомъ малороссовъ, во главѣ котораго стояли Костомаровъ и Кулишъ.

Вліяніе этихъ лицъ было въ высокой степени благотворно на Тараса: подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ онъ сталъ серьезно изучать исторію своей родины; и дотолѣ она была вѣдома ему по нѣкоторымъ источникамъ польскимъ и русскимъ*), теперь на первый планъ выступаетъ основательное изученіе лѣтописей; вмѣстѣ съ тѣмъ немало времени онъ употребилъ и на изученіе исторіи и другихъ славянскихъ народностей, напр. чешской**). Научныя занятія, несомнѣнно, повліяли и на складъ понятій и чувствъ Тараса: исчезаетъ бывшее преклоненіе предъ казатчиной, наступаетъ эпоха иныхъ отношеній къ прошлому Украйны..

Такому измѣненію историческихъ и общественныхъ взглядовъ поэта въ особенности способствовало Кирилло-Меѳодіевское общество.

Въ декабрѣ 1848 года Костомаровъ, въ то время преподаватель кievской I-ой гимназіи, серьезно занемогъ горломъ. Упорная болѣзнь медленно поддавалась лѣченію. Больного часто навѣщала молодежь;

*) См. Послѣсловіе къ «Гайдамакамъ».

***) См. Воспоминанія Чужбинскаго.

завязывались дружескія бесѣды, чаще всего о славянской взаимности. Во время споровъ вопросъ объ единеніи славянъ постепенно разъяснялся и изъ сферы научныхъ и литературныхъ отношеній перешелъ въ инныя.

Юношамъ, членамъ этого общества, рисовался будущій союзъ славянскихъ государствъ, какъ равноправныхъ членовъ; въ такомъ союзѣ видѣлось возможное и желанное счастье для всѣхъ славянъ. Основою такого союза должно служить равноправіе отдѣльныхъ славянскихъ народностей; главою союзаго государства, какъ сообщаетъ Кулишъ, предназначали русскаго государя (въ то время Николая Павловича).

Во всѣхъ частяхъ всеславянскаго союза—говорить Костомаровъ—предполагались одинаковые основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, полная самостоятельность каждой славянской народности, какъ бы мала она ни была (напр. лужичане). Въ дѣлахъ внутреннихъ учреждений, внутренняго управленія, суда, языка, религии, образованія «въ кожній славянскій хаті повинна буть своя воля і своя правда».

Таковы основныя идеи юнаго славянскаго общества. Средствомъ для осуществленія этихъ идей считалось воспитаніе общества путемъ науки и литературы, причемъ заранее заявлялось, что общество отвергаетъ извѣстное правило, что цѣль освящаетъ средства; отрицалась и мысль о противодѣйствіи государству.

Членомъ этого-то общества, въ числѣ другихъ лицъ, вступилъ и Шевченко. Подъ вліяніемъ идей Кирилло-Меѳодіевскаго общества у Шевченко возникаетъ рѣзкое отношеніе и къ прошлому Украины, (ея современному положенію тѣмъ болѣе), а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и объемъ его поэтической дѣятельности—изъ поэта національнаго онъ становится поэтомъ общеславянскимъ, а позднѣе и общечеловѣческимъ.

Такое новое направленіе выразилось прежде всего въ поэмахъ «Іван Гус» и «До земляків мертвих, живих і ненарождених».

Поэма «Іван Гус» блестяще воспроизводитъ предъ нами дѣятельность этого великаго борца слова за славянскую идею.

Въ поэтическомъ и глубоко трогательномъ посвященіи «Гуса» Шафарику, Тарасъ опредѣляетъ заслуги великаго слависта предъ славянскимъ міромъ: его трудамъ славяне обязаны началомъ своего самознания, обязаны тѣмъ, «що наша правда не потонула в німецькій пучині»; а первый, кто поднялся на защиту этой правды, и былъ Іванъ Гусъ. Къ сожалѣнію изъ этой поэмы извѣстны только два небольшихъ отрывка, хотя въ письмахъ Шевченко и его дневникѣ есть указаніе, что она вполнѣ имъ закончена. Но и сохранившіеся отрывки даютъ понятъ, что поэма задумана широко.

Въ первой части поэмы «Молитва Гуса» Шевченко нѣсколькими мѣткими штрихами рисуетъ полную безнравственность папства той эпохи, когда жила славянскій гуманизмъ (XV в.). Здѣсь, что ни строфа, то картина, изъ которыхъ наиболѣе сильно дѣйствуетъ начало молитвы, характеризующее отношеніе папства къ замученному чешскому народу; не меньшее

впечатлѣніе производить также и изображеніе терзаній Гуса за поруганную справедливость, за народъ, и намѣреніе проповѣдника выступить борцомъ «не на месть и муку», а для указанія людямъ евангелія правды; глубоко и воззваніе Гуса къ Богу о помощи.

Во 2-й пѣсни «Папська булла» изображена проповѣдь Гуса, ея вліяніе на народъ и впечатлѣніе, произведенное ею на католическое духовенство.

Эта пѣснь начинается ѣдкой передачей содержанія папской индульгенціи, прощающей за деньги самыя тяжкіе грѣхи; продолжается энергичной проповѣдью Гуса.

Въ своей проповѣди Гусъ показываетъ, что католическое духовенство своими пороками явно исказило ученіе Спасителя и потому не можетъ быть руководителемъ народа; Гусъ заканчиваетъ свою пламенную рѣчь предложеніемъ отречься отъ такого руководства. Въ то же время онъ отъ словъ переходитъ къ дѣлу—самъ подаетъ примѣръ такого отреченія—сжигаетъ папскую буллу (вѣрнѣе, индульгенцію).

Своею проповѣдью Гусъ производитъ сильное впечатленіе на народъ; онъ смотритъ съ ужасомъ на своего энергичнаго проповѣдника и было отъ чего: вѣдь папы такъ могущественны, а Гусъ такъ слабъ и безвѣстенъ. Проповѣдь Гуса вызвала крайнее смущеніе папъ (таковыхъ въ эпоху Гуса было три), ненависть монаховъ, злобу всего клира, рѣшившаго жестоко отмстить нарушителю покоя и власти. Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ сценъ поэмы пока не найдено.

Поэма «До земляківъ», это вопль наболѣвшей души, вопль, обращенный къ интеллигенціи и вызванный тяжкимъ раздумьемъ надъ судьбами Украины.

Все въ ея судьбѣ гнететъ поэта; и кровавое прошлое и позорное (крѣпостное) настоящее.

Въ прошломъ—нескончаемая борьба «за віру та волю», борьба, що

Кровью умивалась,
А спала на купах,
На козацькихъ вольнихъ трупахъ,
Окраденыхъ трупахъ.

Въ настоящемъ—крѣпостное право, придушившее народъ—тяжкое время, когда

Правдою торгують
І Господа зневажають,
Людей запрягають
В тяжкі ярма; орудь лихо,
Лихом засівають;
З братів, незрячихъ гречкосіів
Беруть, що можна тільки взять.

Таковы общественныя отношенія старшихъ братьевъ—интеллигенціи къ народу. Поэта поражаютъ также умственная несостоятельность и застой этихъ старшихъ, пренебреженіе къ своему родному, рабское преклоненіе предъ чужимъ, доходящее до смѣшного обезьяничанья; не утѣшаетъ его и кичливость своею исторією, истиннаго значенія которой эта интеллигенція не понимаетъ. Въ результатѣ—отчужденіе «освіченихъ синівъ України» отъ народа, разладъ между ними, который въ будущемъ грозитъ новымъ неслыханнымъ несчастьемъ. Предвидя опасность такого несчастья для родины, поэтъ обращается съ страстной мольбой къ интеллигенціи:

Обніміте-ж, брати мої,
Найменьшого брата:

Нехай мати усміхнется,
Заплакана мати!

Въ то же время, понимая всю силу національнаго просвѣщенія для блага родины, онъ проситъ своихъ соотчичей.

Учитесь, брати мої,
Думайте, читайте,
І чужому научайтесь
І свого не цурайтесь:
Бо хто матір забуває,
Того Бог карає!..

Итакъ, искреннее братолюбіе и общечеловѣческое просвѣщеніе на родномъ основаніи—таковы идеалы, возникшіе у Шевченка подъ вліяніемъ идей Кирилло-Миоодіевскаго общества, просуществовавшаго недолго.

Въ мартѣ 1847 года надъ членами этого общества стряслась бѣда: по извѣту студента Петрова, члены были арестованы и осуждены «за составленіе тайнаго общества, въ которомъ обсуждаемо было соединеніе славянъ въ одно государство» (такъ гласитъ дѣло). Учредителей общества наказали: Костомарова отправили въ Саратовъ чиновникомъ особыхъ порученій, другихъ въ иные города: Вѣлозерскаго въ Олонецкъ, Кулиша въ Тулу, Пасяду въ Казань, Антоновича солдатомъ на Кавказъ.

Тяжеле всѣхъ поплатился Шевченко: онъ былъ отданъ въ солдаты на востокъ. Такая строгость объясняется тѣмъ, что при арестѣ у Тараса были найдены рѣзкія стихотворенія съ сатирическимъ оттѣнкомъ—это обстоятельство усугубило его вину.

Разсказываютъ, что во время ареста Шевченко, при переправѣ черезъ Днѣпръ, гусарскій офицеръ Борковскій, хотѣлъ столкнуть чмоданъ поэта съ запретными стихотвореніями въ воду, но Шевченко не впустилъ сдѣлать этого. Во все время слѣдствія Тараса не покидала бодрость и веселое расположеніе духа. Передъ допросомъ одинъ изъ присутствующихъ жандармскихъ офицеровъ ободрялъ его, говоря:

— Богъ милостивъ, Тарасъ Григорьевичъ, вы оправдаетесь.— и вотъ тогда-то запоетъ ваша муза.

— Не який біс і запис мене сюди, як не оця чертова муза», добродушно отвѣтилъ поэтъ. Онъ даже утѣшалъ Костомарова: «Не журися, Миколо», говорилъ онъ ему: «доведеться ще намъ укупі жити». Увидѣться друзьямъ пришлось не скоро: черезъ 12 лѣтъ.

ГЛАВА VI.

Сеню 1847 года Тарасъ былъ отправленъ въ Оренбургъ и сталъ линейнымъ солдатомъ. Здѣсь, въ казармѣ, поэтъ нашелъ нѣсколько дворянъ поляковъ, отданныхъ, подобно ему, въ солдаты, и сдѣлался другомъ Сѣраковскаго, Залѣскаго, Желиховскаго (Антонія Сова). Дружба эта росла: сближало общее несчастье; съ нѣкоторыми изъ нихъ Тарасъ перенимался и впоследствии. Вскорѣ его зачислили въ 1-й баталіонъ, находившійся въ Орской крѣпости, куда онъ и отправился.

Шевченко добросовѣстно исполнялъ свои служебныя обязанности: онъ не избѣгалъ ихъ, не отго-

варивался болѣзною, когда нужно, онъ фабриль усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ приёмахъ и въ заключеніе выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ—любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капрального ефрейтора

Но душевное состояніе Тараса было ужасно; уже само положеніе его въ чуждой средѣ, въ обстановкѣ солдата, какъ бы ни смягчалось оно немногими симпатичными людьми, приводило Тараса въ отчаяніе. Много лѣтъ спустя, одно воспоминаніе объ этомъ времени вызывало у него ужасъ. Съ перваго же момента новой жизни сознаніе подсказывало поэту, что воля утрачена и, быть можетъ, навсегда. Такое настроеніе вызывало болѣзненный, ни чѣмъ несдерживаемый стонъ:

В неволі тяжко, хоча й волі,
Сказать по-правді, не було;
Та все таки ялось жилось
Хоть на чужому, та на полі...
Тепер же злої тії долі,
Як Бога, ждати довелось:

Не одна потеря свободы тяготила. Никогда любовь къ родинѣ не бываетъ такой жгучей, такъ мучительно не дѣйствуетъ на человека, какъ тогда, когда онъ самъ находится въ подневольномъ положеніи и слишкомъ далекъ отъ нея. Такъ было и съ Тарасомъ. Поэтому, не удивительно, что при одной мысли о родинѣ у поэта

Холоне серце, як згадаю.
Що не в Україні поховують,

Що не в Україні буду жити,
Людей і Господа хвалити.

А между тѣмъ все въ далекомъ краю напоминало поэту дорогую Украину. Не только унылая природа востока, но и вся обружающая обстановка каждое мгновеніе своими контрастами давали ему чувствовать утрату родины.

І там степи і тут степи,
Та тут не такі—
Руді ,руді аж червоні,
А там голубії,
Зеленії, мережані
Нивами, ланами,
Високими могилами
Темними лугами...
А тут бурьян, піски, тали,
І, хоч би на-сміх, де могила
О давнім давні говорила,
Неначе люди не жили.

И не одна мѣстность, а и все, происходящее въ природѣ, напоминало о родной землѣ. Невѣроятная тоска закрадывалась въ сердце, не давала покоя. Въ особенности ночи были тяжелы.

Приходить ніч в смердячу хату,
Осядуть думи; розібьють
На сто крат серце і надію,
І те, що вимовить не вмію—
І все на світі проженуть,
І спинять ніч: часи—літами,
Віками глухо потечуть...

І я кровавими сльозами
Не раз постелю омочу.
Благаю Бога, щоб світало;
Мов волі, сонця, світу жду...

Неменьшая тоска и въ праздники.

На дворі, бач,
Наступає свято.
Завтра рано
Заревуть дзвіниці
В Україні, завтра рано
До церкви молитись
Підуть люди... Завтра ж рано
Завіє голодний
Звір в пустині, і повіє
Ураган холодний,
І занесе піском, снігом
Курінь—мою хату.
Отак мені доведеться
Свято зустрічати!..

Одиночество—плохой друг и совѣтникъ. Въ
безсонныя ночи возникаетъ болѣзненно односторонній
анализъ, анализъ, отрицающій все доброе въ самомъ
человѣкѣ. Минувшее представляется ему ужаснымъ
или, вѣрнѣе, бесплоднымъ. Такими оно казалось и
Тарасу.

Перелічу і дні, і літа,
Кого я, де, коли любив;
Кому яке добро зробив?
Нікого в світі, нікому в світі!
Неначе по лісу ходив.
А малась воля, малась сила!

Та силу позички зносили,
А воля в гостях упилаась.
В степу, небога, заблудила
Та й упиваться зареклась.

При такихъ условіяхъ такъ легко ожесточиться
на весь міръ; не мудро и въ друзьяхъ предположить
одно недоброе. Но не таковъ былъ Тарасъ

Не проклинаю я лукавих
За те, що я тепер терплю—

говорить онъ въ одной изъ своихъ скорбныхъ думъ.
Но не только свое личное горе терзало Тараса:
онъ мучился другимъ; приходила мысль о положеніи
друзей, понесшихъ тяжкую кару и за то же, что и
онъ. И вотъ поэтической мыслью обращается онъ
къ нимъ съ вопросомъ:

Чи ми ще зійдемося знову,
Чи вже на-віки розійшлись,
І слово правди і любові
В степи, вертепи понесли?

Гдѣ же исходъ изъ такого томительнаго поло-
женія—вѣдь онъ такъ необходимъ? Чѣмъ богаче
натура человѣка, тѣмъ скорѣе найдетъ она выходъ
изъ тяжелаго горя, и Тарасъ его нашель въ работѣ
для Украины. Писаль онъ для земляковъ, для роди-
чей, писаль для всего русскаго міра. Работа не
спасала отъ мучительнаго вопроса, зачѣмъ тру-
диться, для кого. Задумывался надъ этимъ вопро-
сомъ и Тарасъ: не разъ онъ мучительно спрашивалъ
себя

А де-ж дітись,
Що діяти и що почать,
Людей і долю проклинать
Не варт, ій-Богу! Як же жити
На чужині, на самоті,
І що робити взаперті?
Як-бы кайдани перегризи,
То гриз потроху б... Так не ті,
Не ті їх ковалі кували,
Не так залізо гартували,
Щоб перегризи.

Выходъ изъ тяжелаго положенія все-таки нужно найти, иначе—зачѣмъ жить. Послѣ мучительнаго раздумья поэтъ его находитъ въ смиреніи, молитвѣ и главное—любви къ родинѣ; это онъ совѣтуеть и друзьямъ—союзникамъ

Годіть, обращается онъ къ нимъ:

Смирітеся, молитесь Богу
І згадуйте один другого,
Свою Україну любіть;
Любіть її, бо время люте...
В останню, тяжкую минуту
За неї Господа моліть!

Для него же лично осталось еще одно, ни съ чѣмъ несравнимое утѣшеніе: это—поэтическія думы. Вотъ почему прежде всего въ повелѣніи онъ къ нимъ и обращается

Думи мої, думи мої!
Ви мої єдині!
Не кидайте хоч ви мене

При лихій годині!
Прилітайте, сизокрилі,
Мої голубята,
Із-за Дніпра широкого
У степ погуляти
З киргизами убогими;
Вони вже убогі,
Уже годі... Та на волі
Ще молятьця Богу.
Прилітайте-ж, мої любі!
Тихими речами
Привітаю вас, як діток,
І заплачу з вами.

Правда, сознание подсказывало Шевченку, что у него нѣтъ прежней поэтической шири и свободного творчества—ему запрещено было писать; что образы и картины, столь яркія когда-то, не возникаютъ уже въ его фантазіи; что огненныя слова, которыми нѣкогда онъ жегъ сердца людей, утрачены, но, несмотря на такое ужасное сознание въ упадкѣ таланта (кажущееся, какъ мы убѣдимся), нужно было писать: въ работѣ—и спасенье «от нудыги та жалю»; въ ней и удовлетвореніе вышихъ, не заглохшихъ потребностей поэтического творчества,—и Шевченко писалъ «звичайно, нишкомъ»

І довелось знов мені
На старість з віршами ховаться,
Мережать книжечки, співати,
І плакати у бур'яні,
І тяжко плакати.

Но, несмотря на муки и страданія, вызванныя всей суммой обстоятельствъ новой жизни, при-

званье брало своє; онъ долженъ былъ ему подчиниться:
писаль, и ему становилось легче: онъ сердцемъ
жилъ на родинѣ, онъ работаль для нея.

Не для людей і не для слави
Мережані та кучеряві
Оці вірші віршую я —
Для себе, братія моя.
Мені легше в неволі,
Як я їх складаю:

З-за Дніпра, мов, далекого
Слова прилітають
І стелються на папері,
Плачучи, сміючись,
Мов ті діти, і радують
Мою сіру душу,
Убогую... Любо мені,
Любо мені з ними,
Мов батькові багатому
З дітками малими.
І радий я, і веселий,
І Бога благаю,
Щоб не приспав моїх діток
В далекому краю:

При поэтической работѣ исчезаль болѣзненно
односторонній анализъ, пробуждалась надежда на
лучшее будущее. Подъ вліяніемъ ея

Буває, іноді старий
Не знає сам, чого зрадіє,
Неначе стане молодий
І заспіває, як уміє.
І стане ясно перед ним

Надія ангелом святим,
І зоря, молодість його,
Вітає весело над ним.
Що ж се зробилося з старим,
Чого зрадів оце? Того,
Що бачите, старий подумав
Добро якесь комусь зробіть.

Но одновременно съ отрадной надеждой на
будущую полезную дѣятельность возникало и тяжелое
сомнѣніе, сохранились-ли душевныя силы для нея—
вѣдь безъ нихъ не возможно осуществленіе добра,
которое лелѣешь въ душѣ, и мечтаешь рано или
поздно принести ближнимъ. При мысли о томъ,

Чи то недоля та неволя,
Чи то літа ті, летячі,
Розбили душу?

поэтъ приходитъ въ отчаяніе; а мимолетное предполо-
женіе, что люди своимъ вліяніемъ осквернили его
душевную чистоту и непорочность, вызываетъ у него
проклятье на людей, проклятье на долю, къ счастью,
преходящія. Въ такой душевной истомѣ поэтъ тратилъ
свои силы. Вина въ этомъ немало падаеть и на его
друзей. Въ одиночествѣ всякая вѣсть не только
отрада, но и поддержка на многіе мѣсяцы: каждая
строка отъ близкихъ поднимаетъ силы, возбуждаеть
энергію, поддерживаеть надежду на лучшее будущее.
А между тѣмъ друзья и близкіе въ теченіе годовъ
ничѣмъ не напоминали о себѣ поэту; дважды объ
этомъ въ своихъ стихотвореніяхъ упоминаеть Тарасъ...
Конечно, не само по себѣ письмо важно, а важно
сознаніе, что тебя не забыли—помнятъ и помогутъ,

не матеріально—ніть! а иною допомогою. Въ 1848 году, долго не получая ни отъ кого отклика, Тарасъ писалъ

Не похвали собі, громадо,—
Без неї може обійдусь—
А ради жду собі, поради;
Та мабуть в яму перейду
Із москалів, а не дждусь...

Отвѣта не было. Отсюда вполне понятна горечь на друзей, которые

Колись божились та клялись,
Братались, сестрились зо мною
Поки, мов хмара, розійшлись—
Без слъоз роси тії святої.
І довелось знов мені
Людей на старості... Ні, ні!
Вони з болізни повірали—
А то б хоч клаптик переслали
Того паперу...

Разочаровавшись въ близкихъ, потерявъ надежду на скорое освобожденіе, Тарасъ, побуждаемый любовью къ родинѣ, съ жаромъ продолжалъ свою поэтическую дѣятельность.

Писалъ онъ среди невозможныхъ условий казарменнаго существованія, тайкомъ,

Крадучись, щоб не чули,
Або не дізнались,
А то скажуть, що по шляхах
Чинемо розбої.
Та ще дальше запровортять.

За время своего солдатскаго житія имъ написано очень много, въ особенности, если принять во вниманіе ту обстановку, въ которой онъ жилъ. Порой, впрочемъ, эта страсть къ поэтической дѣятельности не только переставала удовлетворять его, но вызывала новыя муки при вопросѣ, зачѣмъ онъ пишетъ.

Мабуть мені доведеться
Читати самому
Оці думк... Воже милий!
Тяжко мені жити!
Маю серце широкее,—
Ні з ким поділити.

И вотъ отчаяніе все сильнѣе овладѣваетъ поэтомъ, растетъ неудержимо; подъ вліяніемъ его онъ написалъ глубоко трогательную элегію, въ которой выразилъ и муки за свою участь, и терзанія за судьбу родины.

Мені однаково, чи буду
Я жить в Україні, чи ні,
Чи хто згадає, чи забуде
Мене в снігу, на чужині—
Однаковісенько мені!...
В неволі виріс між чужими,
І, не оплаканий своїми,
В неволі, плачучи, умру
І все з собою заберу,
Малого сліду не покину
На нашій славній Україні,
На нашій—не своїй землі.
І не пом'яне батько з синомъ,
Не скаже синові: «молись...
Молися, сину! За Україну

Його замучили колись». Мені однаково, чи буде Той син молитися, чи ні... Та не однаково мені, Як Україну злиї люде Присплять, лукаві, і в огні Ії окраденну збудять... Ох, неоднаково мені!

Такимъ образомъ, и въ наиболѣе тяжелой періодъ своей жизни Тарасъ жилъ мыслью объ Украинѣ, ея благѣ... И теперь онъ остался вѣренъ самому себѣ. Эта любовь къ родинѣ и спасла его; она не позволила ему опошлиться или, забывъ прошлое, отречься отъ собственныхъ идеаловъ, скитаться съ окружающей средой и погрузиться въ мелочи казарменной жизни.

Въ 1848 году, на второй годъ службы Шевченко, снаряжена была экспедиція подъ командой лейтенанта Бутакова для научнаго описанія Аральскаго моря. Съ разрѣшенія генерала Обручова въ экспедицію попалъ и Тарасъ для снятія видовъ съ береговъ Арала. Эта экспедиція продолжалась до ноября. Во все время пребыванія въ отрядѣ Шевченко былъ веселъ и бодръ; онъ энергично работалъ акварелью; снятыя имъ виды береговъ оказались превосходными. Обручовъ отправилъ ихъ въ Петербургъ, желая этимъ обратить вниманіе на Шевченко, но напрасно—генералъ получилъ выговоръ, зачѣмъ позволилъ рисовать Тарасу, а послѣдняго, въ 1852 году послѣ доноса, что онъ снимаетъ портреты съ важныхъ лицъ Оренбурга, рѣшено было отправить въ далекое Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ онъ и прожилъ вплоть до своего освобожденія. (Новопетровское укрѣпленіе—ничтожный городишко на сѣверо-восточномъ берегу Каспій-

скаго моря). Шевченко тамъ отзывается о мѣстности этого края въ одномъ изъ писемъ къ Гулаку. «Кругомъ—песокъ да камень; хотя бы травка, хотя бы деревцо—ничего нѣтъ. Даже горы порядочной не увидишь: смотришь, смотришь, до такой тебя тоска возьметъ, просто хотъ давить, да и удавиться нечѣмъ». Такова природа Новопетровскаго укрѣпленія. Отъ нея вѣтъ уныніемъ; а отъ людей, среди которыхъ очутился Тарасъ, можно прійти въ ужасъ. Не о солдатахъ я говорю, а о той офицерской средѣ, которая силилась сблизиться съ Шевченко. Вотъ что писалъ о нихъ Шевченко.

«Готы, между которыми на берегахъ Дуная владѣли остатки дней своихъ Овидій Назонъ, (наисовершеннѣйшее созданіе Всемогущаго Создателя вселенной), были дикіе варвары, но не пьяницы, а окружающіе меня—и то, и другое. Однажды я сказалъ Дармограю (псевдонимъ самого Шевченко): «вотъ настоящіе гомерическіе пшухи». «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ:—«если бы Гомеръ увидѣлъ этихъ богатырей, такъ онъ бы покрутилъ свой сѣдой усъ и принялся бы передѣлывать свою славную эпопею отъ начала до конца». Но эта ужасная среда не повліяла на поэта: у него нашлись силы держаться отъ нея въ сторонѣ, чему немало способствовалъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ офицеровъ—Мостовскій. Одно время онъ даже предложилъ Тарасу поселиться съ нимъ; но поэтъ, опасаясь толковъ (не по своему адресу, конечно), отказался отъ его великодушной помощи. И здѣсь, какъ и раньше, спасеніе для поэта заключалось въ одномъ—работѣ. Шевченко постарался разнообразить эту работу. Сначала онъ думалъ было заняться лѣпкой—близъ укрѣпленія оказалась годная глина и алебастръ, но для этого необходимы были спеціальныя приспособ-

бленія, а средствъ у Тараса никакихъ не оказалось—вѣдь онъ былъ буквально нищій,—и потому онъ оставилъ свое намѣреніе и принялся за рисунки. Что возможно было нарисовать (казармы, огородъ, батареи, нѣкоторые типы), было имъ нарисовано и отослано Кулишу. Въ то же время не прекращалась и его поэтическая дѣятельность; за время 52—57 гг. имъ было написано, кромѣ мелкихъ стихотвореній, рядъ повѣстей на русскомъ языкѣ, имѣющихъ и автобіографическое значеніе, и общій интересъ для характеристики крѣпостныхъ отношеній. Своей работѣ Тарасъ находилъ полное сочувствіе въ нѣкоторыхъ офицерахъ, покровительствовавшихъ ему (такова семья Ускова); одинъ изъ этихъ офицеровъ даже переписывалъ Тарасу его русскую повѣсть.

Что касается до его служебной карьеры, то въ этомъ отношеніи Тарасъ за 10 лѣтъ службы ни на шагъ не подвинулся: и поступилъ онъ рядовымъ, и вышелъ въ «чистую» такимъ же. Правда, въ 50 годахъ генераль Фрейманъ представилъ его въ унтеръ-офицеры, по тому времени ступень очень важная для солдата, находившагося въ такомъ состояніи, какъ Шевченко. Но въ отвѣтъ на это получился приказъ, вѣроятно, по распоряженію начальника Оренбургскаго края Перовскаго, не терпѣвшаго писателей вообще, взять поэта въ руки и сдѣлать изъ него образцоваго фрунтовика. «И вотъ изъ меня», пишетъ поэтъ:—теперь пятидесятилѣтняго старика, тянутъ жилы по осьми часовъ въ сутки». Въ такихъ-то условіяхъ жилось Шевченку солдату; жизнь тянулась убійственно медленно, день за днемъ, ничѣмъ не разнообразясь: даже писемъ приходилось ждать долгими мѣсяцами... Трудно уберечься, живя среди такихъ условій—сохранить не интересъ къ жизни,—развѣ въ этомъ заслуга?—

а вѣру въ свои идеалы, поддержать въ себѣ энергію къ дѣятельности и любовь къ высшимъ цѣлямъ жизни, а не къ будничнымъ, пошлымъ мелочамъ. Но Тарасъ уберется. «Все это неисповѣдимое горе—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ—прошло, какъ будто не касаясь меня: малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Опытъ, говорятъ, лучший нашъ учитель; но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкой. Мнѣ кажется, что я точно такой же, что былъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо-ли это? Хорошо; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтями моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій». Что это—не фраза, доказательствомъ служить и его послѣдующая дѣятельность, ясно свидѣтельствующая, что Тарасъ остался вѣренъ до конца своимъ убѣжденіямъ.

ГЛАВА VII.

Наконецъ, 1-го января 1857 года Шевченко получилъ радостную вѣсть о близкомъ освобожденіи. Петербургскіе друзья поэта, главнымъ образомъ, графиня Толстая, усиленно хлопотали объ этомъ, и ихъ хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Не къ чему говорить, какую безумную радость испыталъ Тарасъ, получивъ это извѣстіе. Но пока были выполнены различныя формальности, прошло полгода и только 21-го іюля онъ получилъ разрѣшеніе уѣхать изъ

Новопетровскаго укрѣпленія. Сначала поэтъ предполагалъ отправиться на родину; но по совѣту друзей онъ измѣнилъ планъ поѣздки—рѣшилъ проѣхать Волгой до Нижняго, а оттуда чрезъ Москву въ Петербургъ. Едва вѣсть объ освобоженіи Тараса сдѣлалась извѣстной, какъ отовсюду, со всей Руси, имъ стали получаться изъявленія сочувствія, любви и надеждъ на его будущую дѣятельность въ томъ же направленіи «пѣвца украинскаго горя», которому онъ слѣдовалъ раньше. Уже въ Астрахани, гдѣ въ ожиданіи парохода Тарасъ прожилъ нѣсколько дней, онъ былъ окруженъ попеченіями своихъ земляковъ и близкихъ знакомыхъ. Выѣхалъ онъ отсюда въ 20 числа августа пароходомъ въ Нижній. Волга своей красотой, въ особенности выше Саратова и въ такъ называемой Самарской лукѣ произвела такое впечатлѣніе на Тараса, что онъ, какъ ребенокъ, увлекался и бѣгалъ по палубѣ. Постоянно отвлекаемый все новыми видами, общимъ вниманіемъ пассажировъ, онъ не могъ серьезно заняться срисованіемъ волжскихъ береговъ, какъ предполагалъ; но все свободное время проводилъ за чтеніемъ; онъ съ жадностью перечитывалъ новые журналы, въ которыхъ каждая статья, отмѣченная талантомъ, приводила его въ восторгъ. Онъ зачитывался «Губернскими очерками» Щедрина и предвидѣлъ будущее значеніе нашего сатирика, назвавши его «геніальнымъ ученикомъ великаго Гоголя», понялъ и оцѣнилъ общественное значеніе комедій Островскаго, живой талантъ Курочкина, сердечность Тютчева... Но преждемъ увлекался онъ и исторіей—прочелъ только что появившійся «Бунтъ Стеньки Разина» Костомарова, который привелъ его въ восторгъ; наконецъ, слушалъ толки о предполагаемой крестьянской реформѣ.

Въ началѣ сентября Шевченко пріѣхалъ въ Нижній. Здѣсь произошла неожиданная задержка; изъ-за пустой формальности, собственноручнаго полученія отставки въ штабѣ своего полка, Тарасъ едва не уѣхалъ въ Уральскъ, а когда вопросъ о выходѣ «въ чистую» благополучно разрѣшился, пришлось еще прожить въ Нижнемъ около 4 мѣсяцевъ, въ ожиданіи разрѣшенія на житье въ Петербургѣ. Тонительно проходило время ожиданія; его онъ проводилъ за чтеніемъ, а вечера въ театрѣ, и рѣдко въ клубѣ или у знакомыхъ. Шевченко увлекся театромъ не потому, чтобы его привлекъ репертуаръ или талантливые актеры, а потому, что ему больно понравилась молодая артистка Піунова; увлеченіе Піуновой дошло до того, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ: больно уже онъ былъ старъ для нея.

Наконецъ, пришло давно ожидаемое разрѣшеніе, и онъ отправился въ столицу; задержанный на двѣ недѣли глазной болѣзью въ Москвѣ, онъ, наконецъ, прибылъ въ Петербургъ.

Прежде всего онъ принесъ слезную благодарность семейству Толстыхъ за ихъ неизмѣнно дружеское отношеніе къ нему и заступничество

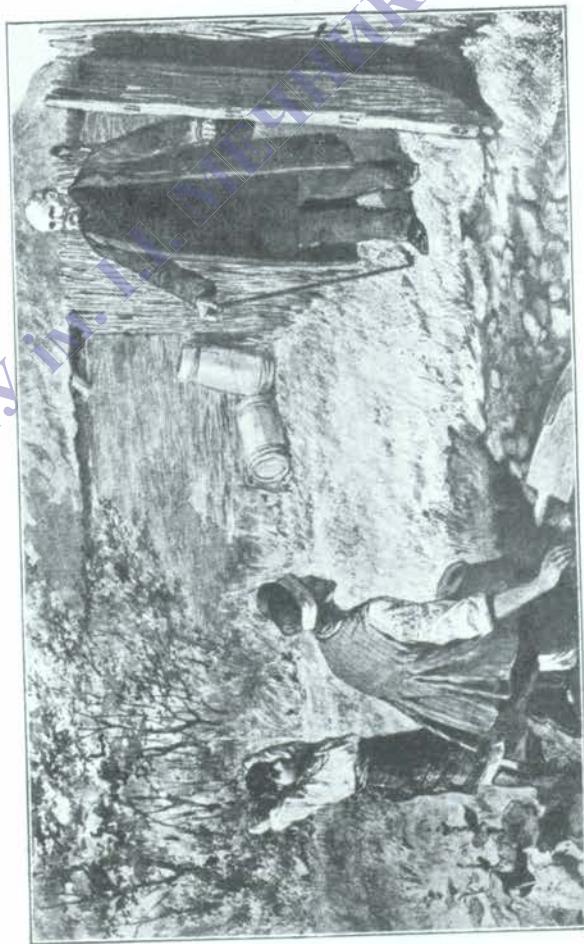
Полагаю, излишне упоминать о той радости, которая охватила всѣхъ земляковъ Тараса при встрѣчѣ съ своимъ великимъ поэтомъ.

Благодаря графу Толстому, бывшему въ то время президентомъ академіи художествъ, Шевченко получилъ мастерскую въ самой академіи, гдѣ терпѣливо занимался гравировкою; его мечтой было удешевить гравюру, сдѣлать ее доступной массѣ публики и тѣмъ способствовать эстетическому развитію общества.

Остальные 3 года жизни Шевченко прожилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ; только разъ онъ посѣтилъ родину съ цѣлью найти гдѣ-либо мѣсто для окончательнаго поселенія на Украинѣ, «щоб не вмерти на чужині, де-небуд під тином». Къ этому же времени относятся и его послѣднія попытки женитьбы, попытки безрезультатныя. Приобрѣсть свой уголь также не удалось... Тяжело было и свиданіе съ родными. Не бѣдность родныхъ тяготила поэта. Уже одна мысль, что они остаются крѣпостными не давала покоя Тарасу; а тутъ еще въ конецъ измученная сестра Катря, его воспитательница—все это до крайности подѣйствовало на Тараса. Онъ далъ себѣ слово употребить всѣ усилія и выкупить родныхъ изъ неволи. Благодаря обществу вспомошествованія недостаточнымъ литераторамъ и ученымъ, которое только что открыло свои дѣйствія, намѣреніе поэта было приведено въ исполненіе:—общество помогло Тарасу, и его родные, незадолго до 19 февраля 1861 года, были выкуплены изъ неволи.

Изъ другихъ событій, относящихся къ послѣднему періоду жизни Шевченко характерны его заботы о народномъ образованіи.

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія являются незабвеннымъ временемъ въ исторіи русской общественности. То была пора необычайнаго подъема нашихъ общественныхъ силъ, пора надеждъ и упованій, когда такъ глубоко вѣрилось во все лучшее; когда весьма многіе изъ образованныхъ людей, чѣмъ только могли, хотѣли послужить «меньшей братіи»—мужику. По свидѣтельству современниковъ, общество рвалось къ свѣту, знанію и дѣятельности. «Сынъ мужика», это онъ имѣлъ право сказать, подобно Беранже. Шевченко не могъ остаться внѣ этого общественнаго

Т. Г. ШЕВЧЕНКО
на Пріоркѣ, (предмѣстьи Кіева, въ 1859 г.)

движенія. И вотъ, послѣ печатанія своего «Кобзаря», онъ хлопочеть объ изданіи своихъ стихотвореній для народа отдѣльными брошюрами, конечно, очень дешеваго изданія. Вслѣдъ затѣмъ онъ принимается за новое дѣло — изданіе букваря для украинскаго люда. Поэту немного пришлось потрудиться надъ новой для него работой, но букварь вышелъ; доходъ съ него былъ назначенъ въ пользу воскресныхъ школъ; за букваремъ онъ мечталъ издать арифметику (лічбу), этнографію, географію и исторію Украины. Но этому намѣренію уже не суждено было осуществиться: дни поэта были сочтены. Уже съ ноября 1860 года Шевченко сталъ серьезно болѣть; ему советовали побережся, но здоровье все плошало. Январь и февраль 61-го года онъ просидѣлъ дома безвыходно, занимался гравюрой, портретами; но здоровье и силы видимо разрушались. Въ то же время и душевное состояніе поэта было ужасно: имъ овладѣло крайнее недовольство собой и жизнью. 25-го февраля въ день именинъ поэта физическія муки Тараса усилились; каждое слово стоило ему чрезмѣрныхъ напряженій. Мушка, положенная на грудь, нѣсколько облегчила страданія; ему прочли поздравительныя телеграммы изъ Харькова и Полтавы; онъ едва могъ поблагодарить, какъ боли снова возобновились, но онѣ не вызвали у него ни одного стога: онъ ихъ подавилъ въ себѣ. Дружеское участіе земляковъ на время оживило умирающаго. Всю ночь на 26-е онъ провелъ безъ сна. Онъ то зажигалъ свѣчу, то тушилъ ее; но никого не призывалъ къ себѣ. Въ 5 часовъ утра онъ попросилъ чаю, сошелъ въ мастерскую, охнулъ, упалъ, — и украинскаго поэта не стало.

Когда горестная вѣсть о смерти Шевченко достигла Украины, всѣ поняли, что это — народная

утрата. Горе проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ Галиціи молодежь носила трауръ, у насъ служили панихиды, предлагали средства на погребеніе, на увѣковѣченіе памяти гѣвца своей родины. Смерть Тараса глубоко отозвалась въ сердцахъ украинцевъ: непритворная любовь и уваженіе духовно сблизили всѣхъ. Послѣ отгѣванія и надгробныхъ словъ, Тараса временно похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы тѣло его перевезти на родину, согласно его поэтическому завѣщанію:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Були видні, було чути,
Як реве ревучий!

Въ апрѣлѣ было получено разрѣшеніе на перевезеніе тѣла въ Украину.

Когда печальный поѣздъ съ дорогими останками прибылъ въ Кіевъ, толпа была такъ велика, что колесница съ прахомъ усопшаго не могла свободно двигаться.

Во время панихиды въ одной изъ кіевскихъ церквей какая-то дама, протиснувшись сквозь толпу, возложила на гробъ терновый вѣнокъ и удалилась: это было краснорѣчивѣе словъ. Что каждый изъ насъ чувствовалъ, провожая поэта-страдальца въ могилу, говоритъ современникъ. Похоронить поэта рѣшили близъ Канева (Кіевской

губ.). Но, по случаю разлива Днѣпра, пароходъ не могъ пристать къ берегу; нести на рукахъ свинцовый гробъ было невозможно. Тогда рѣшили поставить его на мужичій возъ, приставленный къ пароходу. И старый, и малый взяли этотъ возъ, и такимъ способомъ дѣти Украины на самыхъ себѣ доставили своего бѣтца поэта къ его послѣдному жилищу. Таковъ былъ послѣдній триумфъ отъ родины своему сыну, который такъ много любилъ и такъ много страдалъ. Высокій выступъ, гдѣ преданъ землѣ прахъ незабвеннаго поэта, носитъ названіе «Шевченковой могилы» и ежегодно посѣщается поклонниками покойника, которые съѣзжаются сюда лѣтомъ съ разныхъ мѣстъ Украины, чтобы почтить Тараса не только какъ поэта, но и какъ человѣка.

Дѣйствительно, и какъ человѣкъ, Шевченко заслуживаетъ полного уваженія. Прежде всего онъ поражаетъ насъ неусыпнымъ трудолюбіемъ. Вставать онъ очень рано, въ 3—4 часа утра; такъ привыкъ онъ съ дѣтства, такъ велось и впослѣдствіи, и тотчасъ принимался за чтеніе или письмо. Этимъ объясняется, почему въ такой короткій промежутокъ времени Шевченко написалъ такъ много. Не говоря о двѣнадцати его русскихъ разсказахъ, повѣстяхъ и поэмахъ, занявшихъ почтенный томъ въ 744 страницы, дневникъ и обширной перепискѣ,—украинскихъ стихотвореній его хватило на два тома, изъ коихъ первый занимаетъ 408 стр., а второй 272 убористаго шрифта;*) и все это имъ сдѣлано только въ теченіе 13 лѣтъ: столько именно времени онъ жилъ вполне самостоятельной жизнью, да и то долженъ былъ добывать себѣ тяжелымъ трудомъ средства къ пропитанію.

*) Вѣнское изданіе.

Да и внѣ своей дѣятельности онъ интересовался всѣмъ, что только было оригинальнаго въ литературѣ или искусствѣ. По свидѣтельству современниковъ, онъ буквально поглощалъ журналы и книги; такимъ отношеніемъ къ чтенію можно объяснить, почему историческія и литературныя явленія онъ понималъ такъ, какъ немногіе способны понять. Достаточно прочесть его отзывы о Костомаровѣ, Соловьевѣ, чтобы убѣдиться въ его глубокомъ пониманіи историческихъ событій.

Не менѣе поражаетъ также и чрезмѣрная доброта Шевченко: онъ готовъ было подѣлиться со всякимъ, чѣмъ только могъ. Чужбинскій приводитъ на этотъ счетъ рядъ интересныхъ фактовъ, какъ эксплуатировали поэта недобросовѣстные люди; предупреждали его и другіе.

Но, по слову самого Тараса,—

Раз добром налите сердце,
В вік не прохолоне—

Его трудно было удержать отъ помощи нуждающимся.

На доводы друзей онъ возражалъ:

«Та нехай лучше тричі одурять мене, а все таки у четверте подам тому, хто справді не бачив може шматка хліба».

Шевченко очень цѣнилъ женское общество. Какъ бы ни былъ онъ увлеченъ мужской веселой компаніей, но онъ предпочиталъ дружескій кружокъ хозяйки, въ гостиной которой онъ весело болталъ, слушалъ музыку, или звучнымъ голосомъ распѣвалъ звучныя украинскія пѣсни. Никакія тогда усилія

мужского кружка не въ состояніи было привлечь его къ себѣ.

Для Шевченко, какъ старая холостяка, дѣти составляли истинную отраду. Онъ любилъ возиться съ ними, и они ему никогда не надоѣдали. Среди дѣтей онъ самъ становился ребенкомъ. Встрѣчаясь съ ними на улицѣ, гдѣ дѣтишки лѣтомъ проводятъ цѣлые дни, Тарасъ садился къ нимъ въ кружокъ и, ободривъ пугливое общество, рассказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ множество, серьезно дѣлалъ пищалки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность всѣхъ ребятишекъ. То же было и въ Кіевѣ. Въ концѣ июня 1859 года Шевченко жилъ въ предмѣстѣи города Пріоркѣ. Послѣ обѣда онъ обыкновенно шелъ въ садъ, ложился подъ яблоней и громко сызвалъ дѣтей хозяйки. Начинаясь веселая болтовня. Но какъ только Тарасъ начиналъ засыпать, дѣти, по условію, должны были тихонько удалиться. «Тікаймо» говорили они, разбѣгаясь: «бо дядько уже хроще», Гуманность Шевченко простиралась и на животныхъ. Не разъ защищалъ онъ котятъ и щенковъ отъ злостныхъ уличныхъ мальчишекъ; а пойманныхъ птичекъ покупалъ и выпускалъ на свободу. Безчеловѣчная бойня «гицезей», специально назначенныхъ для убійства бродячихъ собакъ, приводила его въ ярость; съ этими палачами животныхъ онъ входилъ въ борьбу, которая иногда кончалась тѣмъ, что поэтъ долженъ былъ откупаться отъ ихъ неприятностей.

Такова-то жизнь и характеристика великаго украинскаго поэта..

Біографія Шевченко глубоко поучительна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, подобно Ломоносову, Шевченко всю свою жизнь стремился къ знанію,

широкому развитію; во-вторыхъ, всѣ свои силы онъ употребилъ на служеніе родинѣ. Объ его стремленіи къ наукѣ свидѣлствуютъ и воспоминанія современниковъ, и его личная переписка и—что главное—обзоръ его произведеній. Такъ, Кулишъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей говоритъ о поэтѣ, что не было живой книги, которая бы къ нему въ руки попала и лежала непрочитанной: онъ зналъ наизусть всего Пушкина, многое изъ Мицкевича (котораго переводомъ Байрона онъ хотѣлъ было воспользоваться для передачи англійскаго поэта на родномъ языкѣ), Шекспира онъ всегда возилъ съ собой. (Не безъ вліянія англійскаго драматурга написана имъ мистерія «Великій лех»). Костомаровъ прибавляетъ, что въ петербургской студіи Шевченко вездѣ были разбросаны русскіе и польскіе журналы; про это свидѣлствуетъ Микѣшинъ и Чужбинскій.

Да и обзоръ произведеній Тараса Григорьевича ясно указываетъ, что онъ не только терзался, да ждалъ,

Чому не йде апостол правди та науки.

а всѣми силами стремился быть вѣрнымъ ученикомъ этого апостола. Какъ онъ зналъ священное писаніе, извѣстно каждому, кто знакомъ съ его «Кобзаремъ». Достаточно напомнить, что имъ переведено свыше десяти псалмовъ Давыдовыхъ. Какъ онъ зналъ родную украинскую и польскую историю, и не только политическую, но и общественную, кромѣ его поэзіи, свидѣлствуютъ и другіе факты. Въ «Послѣсловіи» къ «Гайдамакамъ» Шевченко цитируетъ исторію Георгія Конисскаго, Бантыша-Каминскаго, польскаго историка Wandke, мало извѣстнаго польскаго лѣтописца Младановича и др. Римская исторія императорскаго періода была ему извѣстна и не только поверх-

ностно, но и въ подробностяхъ. Въ его поэмѣ «Неофіти» (изъ временъ древнихъ христіанъ) мы не только видимъ широкія картины императорскаго Рима, написанныя подъ вліяніемъ знакомства съ Тацитомъ, но и мелкія наброски религиозныхъ языческихъ обрядовъ, знакомыхъ ему по исторіи искусства. Здѣсь же, въ этой поэмѣ, въ жгучемъ сарказмѣ, съ какимъ поэтъ относится къ Нерону и сенаторамъ, можно подмѣтить вліяніе на Шевченка негодующей сатиры Ювенала. Не была чуждой Шевченку и европейская исторія новаго періода. Поэма «Іван Гусъ» въ достаточной степени рисуетъ предъ нами и бытовія стороны средне-вѣковой жизни, и отношеніе гуманистовъ къ папамъ, и состояніе католичества во время его борьбы съ Гусомъ. Видимо недаромъ, для созданія этой поэмы, Тарасъ перечиталъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности, не оставлялъ въ покоѣ ни одного чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или другихъ мѣстахъ, у которыхъ спрашивалъ топографическія и этнографическія подробности. Средне-вѣковые итальянскіе нравы были также вѣдомы Тарасу, какъ можно судить по его воспоминаніямъ (въ поэмѣ «Княжна») про Ченціо—дѣвушку, убившую своего отца кардинала. Зналъ поэтъ и Данта, котораго хотѣлъ удивить родными «полупанками». Славянскіе дѣятели 40-хъ годовъ—Шафарикъ, Ганка, Коляръ, были для него людьми, чьей дѣятельности онъ симпатизировалъ всѣмъ сердцемъ, и одному изъ нихъ—Шафарику посвятилъ свою поэму «Гусъ». Не чужими были Шевченку и тѣ философскіе споры, которыми жила русская интеллигенція 40-хъ годовъ, споры, что однихъ привели къ беспочвенному скептизму, (припомните

хотя бы Пигасова), других—слѣпому преклоненію предъ силою, откуда бы она ни исходила. На эти споры не безъ ѣдкаго юмора Тарасъ указываетъ въ поэмѣ: «До мертвих і живих, і ненарожденных земляків моїх».

Съ неменьшей ироніей относился онъ и къ тѣмъ «высокимъ страстямъ», которыя съ легкой руки французскаго романтизма господствовали въ нашей литературѣ 30-хъ годовъ: объ этомъ онъ вспоминаетъ въ своемъ обращеніи «Къ музѣ», какъ не безъ смѣха указываетъ и на «высокій штиль» одоносцевъ. Все это свидѣтельствуетъ, что стремленія разныхъ литературныхъ школъ не были для Шевченка темнымъ дѣломъ. Новые русскіе журналы конца 50-хъ и начало 60-хъ годовъ наиболѣе имѣли вліяніе на Шевченко; подъ ихъ руководствомъ въ его поэзіи явился новый объектъ: «трудящі люде, роботящі уми», тогда какъ раньше предметомъ его поэзіи былъ просто народъ.

Научные и литературные интересы, которыми жилъ поэтъ, развили въ немъ тонкое критическое чутье. Достаточно было малѣйшей фальши въ литературномъ произведеніи, или предметѣ искусства, чтобы Шевченко тотчасъ понялъ натяжку и отмѣтилъ ее. Въ дневникѣ за августъ и сентябрь 1867 года разсѣяно немало и случайныхъ критическихъ замѣтокъ, заключающихъ въ себѣ отрывки о нашихъ писателяхъ и историкахъ, отрывки, свидѣтельствующіе о глубокомъ пониманіи Шевченкомъ и положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ произведенія.

Широкое общее развитіе въ связи съ любовью къ родинѣ заставило Шевченко обратить свой поэтический геній не на воспѣваніе личныхъ чувствъ—радостей и горя—а на служеніе народу. Правда, и онъ брался за субъективныя темы: и среди его стихо-

твореній мы видимъ немало, затрагивающихъ разныя стороны его личной жизни; но и здѣсь онъ умѣетъ указать прежде всего общечеловѣческіе интересы: касается-ли онъ своего дѣтства или различныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ жило его крѣпостной семьѣ; описываетъ-ли онъ въ тяжкіе годы неволи стремленіе имѣть свой уголь,—желаніе добиться спокойнаго житія,—предъ вами прежде всего человѣкъ того или иного положенія: то крѣпостной мальчикъ, то мыслитель, скорбной думой вспоминающій бывшее, любящій все обездоленное. Уклоняясь отъ личныхъ темъ, поэтъ свои силы обратилъ на пользу украинскаго народа, затронувъ въ своихъ произведеніяхъ всѣ стороны его быта, и потому прежде всего Шевченко можно назвать поэтическимъ бытописателемъ Украины. Не безъ увлеченій, но глубоко искренно и правдиво (насколько правдивы источники, которыми онъ пользовался) онъ познакомилъ украинскую интеллигенцію съ прошлымъ ея народа и современнымъ крѣпостнымъ бездольемъ.

Для огромной массы своихъ соотчичей онъ былъ первымъ истолкователемъ историческихъ судебъ родины. Онъ показалъ эти судьбы въ цѣломъ рядѣ историческихъ поэмъ то крупныхъ, то небольшихъ; въ этихъ поэмахъ онъ глубоко художественно обрисовываетъ дѣятельность украинскаго казачества. Въ его стихахъ, словно рѣзцомъ выточенные, появляются рѣзкія фигуры самоотверженныхъ гетмановъ и казацкихъ старшинъ: всѣ эти Підкови, Трясила, Гамаліі, Налівайкі, Паліі, Швачки, Дорошенко, будто живые предстаютъ предъ вами: вы изумляетесь ихъ характеру, желѣзной волѣ; вы дивитесь ихъ необычайной любви къ родинѣ. Только юношескія поэмы Шевченка, изображающія прошлое, характеризуются идеализа-

цією героєвъ-гетмановъ; в послѣдствіи онъ отнесся къ нимъ съ горькими словами осужденія за ихъ своекорыстіе и многія несчастья, причиненныя ими родинѣ. Съ ѣдкимъ сарказмомъ обращаясь къ родной интеллегенціи, Шевченко говорить: «Раби, підніжки, грязь Москви, Варшавське сміття ваші пани, ясно-вельможніи гетьмани». Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарасъ едва ли не первый изъ славянскихъ поэтовъ (во всякомъ случаѣ значительно раньше сѣверно-русскихъ народолюбцевъ) обратилъ вниманіе общества на участь крѣпостныхъ, да какъ обратилъ! Желчнымъ словомъ укоризны пронеслась его рѣчь, карающая современное общество за участь рабовъ, бичующая крѣпостное время, когда

Латану свитину з каліки здѣймають,
З шкурою здѣймають, бо нічим обуть
Панят недорослих...
А там по-під тинню
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панцині жне...
А там... а там... очі, очі!
На що ви здалися?
Чом ви змалку не висохли,
Слізми не злилися?
Там покритка по-під тинню
З байстрям шкандибає.
Батько й матір одшуралась,
Чужі не приймають,
Старці навіть дуркаються...
А панч не знає!
З двадцятю, недолюдок,
Душі пропиває!..

Гнѣтъ крѣпостного права изображенъ имъ во многихъ стихотвореніяхъ и русскихъ повѣстяхъ. Если Тургеневъ видѣлъ въ крѣпостничествѣ в послѣдствіи своего единственнаго врага, то тоже самое и съ меньшимъ правомъ могъ сказать о себѣ и Шевченко. Съ этимъ зломъ онъ боролся всю жизнь; его заклеивать, въ лицѣ пановъ-крѣпостниковъ, гдѣ только могъ. Но и никто съ такой вѣрой не относился къ лучшему сторонамъ человѣческой природы, какъ Шевченко. Обыкновенно говорятъ: онъ ненавидѣлъ владѣльцевъ крѣпостныхъ, но при этомъ забываютъ и тотъ голосъ трогательной мольбы, который нѣкогда такъ воспитывающе дѣйствовалъ на этихъ же владѣльцевъ:

Обніміте ж, брати мої,
Найменьшого брата:
Нехай мати усміхнется,
Заплакана мати.
Благословіте дітей своїхъ
Твердими руками
І обмитих поцілуйте
Вольними устами!
І забудеться срамотня,
Давня година,
І оживе добра слова—
Слава України!

Наконецъ, укоряя поэта, забываютъ и тотъ идеаль «справды и науки», ведущій къ гуманности, въ высокомъ смыслѣ этого слова, идеаль, къ которому всю свою жизнь неуклонно стремился Тарасъ.

Учітєся, брати мої,
Думайте, читайте,

І чужому научайтесь
І свого не цурайтесь,
Бо хто матір забуває
Того Богъ карає.

Хотя вся жизнь народная затронута кобзаремъ въ его поэзіи, но Шевченко долженъ быть отмѣченъ и какъ пѣвецъ женщины. Особенно никто изъ русскихъ поэтовъ, не исключая и Тургенева, не былъ проникнутъ такой глубокой симпатіей къ женщинѣ, какъ Тарасъ. Наибольшее число его стихотвореній имѣютъ сюжетомъ женскую долю. Онъ воспѣвалъ ее, какъ страдальницу—мать («Катерина», «Наймичка», «Відьма» и другія поэмы), какъ любящую женщину, беззавѣтно покорную своей долѣ, какъ дѣвушку, для которой въ любимомъ человѣкѣ сосредоточенъ весь міръ, все идеалы (баллады), какъ живую, веселую личность, чья улыбка очаровываетъ, а слезы трогаютъ, наконецъ, какъ искупительницу за свою поруганную честь (поэма «Княжна»). Только въ немногихъ, очень немногихъ стихотвореніяхъ женщина изображена поэтому, какъ коварная эгоистка, для которой наслажденіе—все. Въ такомъ отношеніи Шевченка къ женщинѣ сказывается, кромѣ вліянія народной поэзіи, чистота души самого поэта, вѣровавшаго въ святость женской натуры, а потомъ и отраженіе тѣхъ прекрасныхъ образовъ, съ какими ему приходилось сталкиваться въ ранней молодости. Такою прежде всего является мать поэта, ватѣмъ сестра Катря, его нянька, заступница и покровительница; далѣе, та полька дѣвушка, съ которой такъ ненадолго сблизился поэтъ въ Варшавѣ; наконецъ, высокіе примѣры истинно-христіанскаго братолюбія, которыя поэтъ видѣлъ въ отношеніяхъ къ себѣ княгини Репниной и графини

Толстой. Этими образами и руководился поэтъ, изображая женщинъ въ своихъ произведеніяхъ такими идеально прекрасными и чистыми.

Таково значеніе поэта, какъ пѣвца Украины. Но онъ близокъ и другимъ славянамъ, оцѣнившимъ его гений.

Какъ понятенъ и симпатиченъ онъ для нихъ, можно судить по слѣдующему отзыву о немъ лужицкаго серба Смолера. Разъ въ обществѣ, состоящемъ изъ разныхъ славянскихъ племенъ, кто-то предложилъ прочесть каждому на своемъ нарѣччіи, что ему по сердцу. И вотъ одинъ изъ присутствовавшихъ прочелъ украинское стихотвореніе Шевченка: на своемъ языкѣ онъ не нашелъ ничего болѣе симпатичнаго. Да и какъ не любить Шевченко славянамъ, когда онъ въ своихъ поэтическихъ грезахъ опредѣлялъ великую роль славянъ, какъ носителей человѣческой правды.

Какъ славянамъ не считать его своимъ выразителемъ, когда онъ едва-ли не первый изъ славянскихъ поэтовъ указалъ условія, при которыхъ возможно осуществитъ славянское единеніе. Эти условія—взаимность на почвѣ науки, братолюбія и справедливости; пользуясь ими, можно добиться торжества славянской правды; тогда осуществится и желаніе тѣхъ, кто ратуеть,

Щоб

Усі славяне стали
Добрими братами
І синами сонця—правди,
І еретиками
Оттакими, якъ Констанскій
Еретикъ великій.

А идеаломъ этого еретика Гуса были великія слова:

«Будьте людьми—не рабами». Вездѣ, во всѣхъ произведеніяхъ Тараса замѣтна искренняя любящая душа человѣка, отзывчиво относящагося къ человѣческому счастью, живущаго чужимъ горемъ. Такимъ горемъ прежде всего была для него жизнь мужика, забитаго историческими и крѣпостными условіями. На эти условія и указалъ Шевченко своимъ современникамъ прежде другихъ славянскихъ поэтовъ. Такія идеи онъ высказывалъ въ то время, когда онъ еле-еле намѣчались въ наукѣ, и потому своею личностью онъ представляетъ звено, соединяющее интеллигенцію съ народомъ; одной онъ указываетъ на ея обязанности, другому на его права, обобщая—на истинно человеческую жизнь, основанную на любви, правдѣ и мирѣ. Таково общечеловѣческое значеніе поэзіи Тараса и такова заслуга его. Этой-то заслугой своего поэта и вправдѣ гордиться украинская интеллигенція.

К. А. Иващенко.

БЕРЕГИТЕ МОГИЛЫ!

«Память о нашемъ народномъ поэтѣ должна быть для насъ святыней, чтить эту память — священный долгъ каждаго, кто дорожитъ своею національною честию, своимъ достоинствомъ, своимъ добрымъ именемъ».

Д. Изразди.

Прошло сто лѣтъ со дня рожденія великаго народнаго поэта Тараса Григорьевича Шевченко, уснувшаго въ виду земли обѣтованной, на зарѣ яснаго свѣтлаго дня—свободы миллионновъ. «Страшно впасти у кайдани, умирать в неволі», читаемъ мы у славнаго гѣвца Украины. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ слова эти были взяты поэтомъ изъ жизни. Вынесши на себѣ всю тягость и позоръ крѣпостнаго права, Шевченко всю свою жизнь посвятилъ на то, чтобы разбить цѣпи рабства, которыя онъ самъ проносилъ двадцать четыре года, дѣлалъ все, чтобы смягчить очерствѣлыя сердца рабовладѣтелей. «Обнимите жъ, брати моі, наименьшого брата»—молить бѣдняга у своихъ господъ.

Крѣпостное горе всегда стояло передъ его глазами: онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, слишкомъ любилъ свою обездоленную голоту. Но великая душа Шевченко полна безразличной любви къ *человѣку* вообще и сочувственнаго безпристрастія ко всему: отъ киргиза до украинца, отъ бѣдняка до богача, отъ пана до варнака. «Жизнь Шевченко»—пишетъ Жемчужниковъ—«вмѣстѣ взятая, есть иѣснь, наполненная то горемъ, то драмой, то поэзіей». Пастухъ, школяръ, попыхачъ, чтець по покойникамъ, новаренокъ—съ одной стороны,

и съ другой—поэтъ, гражданинъ, живописецъ, граверъ, пѣвецъ. Это—печальное высоко-художественное произведеніе! Человѣкъ, рожденный крѣпостнымъ, могъ быть живописцемъ, музыкантомъ, поэтомъ, могъ быть, чѣмъ угодно, но тѣмъ не менѣе онъ оставался крѣпостнымъ своего господина, и чѣмъ даровитѣе онъ былъ, тѣмъ горше, невыносимѣе становилась его жизнь.

Вырванный изъ народа, Тарасъ Григорьевичъ, представляетъ собой самый поэтическій его образъ. Нищета и жалкая доля всю жизнь преслѣдовали его по пятамъ, но онъ не отвернулся отъ этой нищеты и сермяги,—нѣтъ, напротивъ,—онъ и насъ обернулъ лицомъ къ народу и заставилъ полюбить его и сочувствовать его скорби. Въ немъ одномъ, какъ въ фокусѣ, слилась вся та стихійная сила, которая незримо росла въ каждомъ подневольномъ. Всю эту силу онъ вылилъ въ чудныхъ звукахъ и не даромъ его называютъ великимъ печальникомъ народной скорби, много-страдальнымъ кобзаремъ. Какъ благовѣсть къ новой жизни, являлись его слова и, какъ бальзамъ, лежались на изстрадавшіяся души.

Тарасъ Шевченко родился посреди степей Днѣпровскихъ и тамъ съ молокомъ матери всосать любовь къ родинѣ и ея поэтическія пѣсни. Въ дни «долга» мать брала его на руки, повитаго въ помотья, и плелась съ нимъ на панцину, въ зной и ненастье. Дѣтство, полное, за малымъ исключеніемъ, самыхъ безотраднѣйшихъ картинъ, юность—казачка-холопа, солдатчина 40-хъ годовъ на далекой окраинѣ Россіи въ лучшіе зрѣлые годы жизни человѣка, жизнь бѣдняка-художника,—вотъ итоги жизни поэта. Кто же вскормилъ и вздѣлалъ святыя порывы души поминаемаго поэта, какъ не та же обездоленная,

забитая, загнанная, лишенная (зачастую всякихъ божескихъ и человѣческихъ правъ) сѣрая масса крестьянскаго люда, закрѣпощеннаго въ Малороссіи со временъ Екатерины II-ой.

Въ этой сѣрой сѣренькой массѣ Шевченко открылъ въ первые годы ранняго дѣтства столько добра, кротости, безхитростнаго семейнаго счастья, а въ юношескихъ и зрѣлыхъ годахъ столько безропотной покорности судьбѣ, молчаливаго, героическаго самопожертвованія, истинно-христіанскаго смиренія, что на всю жизнь остался пламеннымъ поклонникомъ народной массы, какъ хранительницы возвышенныхъ идеаловъ жизни.

Только человѣкъ такъ выстрадавшій свои убѣжденія могъ оставить послѣ себя завѣтъ правдивой любви человѣка къ человѣку.

Его «Кобзарь»—это книга, которая для каждого, признающаго себя украинцемъ, есть своего рода національная біблія. Читая поэтическія строки «Кобзаря», украинецъ снова и снова переживаетъ свое историческое прошлое. Вся поэзія, народная красота образовъ и благозвучность украинскаго слова возникаетъ предъ нимъ и дѣйствуетъ неотразимо на его душу.

«Шевченко,—говоритъ Добролюбовъ,—поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ не идетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своихъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдалается отъ народа. У Шевченко, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствія находятся въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни».

Еще опредѣленнѣе и рѣзче выражается Костомаровъ: «Шевченко,—говоритъ онъ,— какъ поэтъ,—

это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникомъ народа въ прямомъ значеніи этого слова».

Народная пѣсня Шевченка обладаетъ музыкой слова и поэтому многія изъ его стихотвореній чаще поются, чѣмъ читаются.

Итакъ, поэта Шевченка можно смѣло сравнивать съ передовыми гениями человѣчества. Онъ всю жизнь свою ратовалъ за право народной массы, являясь такимъ образомъ и выдающимся филантропомъ XIX столѣтія. Какъ дорого и памятно имя Шевченка, видно уже изъ того, что въ Галиціи, въ г. Львовѣ, образовано общество, называемое «Науковим Товариствомъ імені Шевченко», хотя послѣдній мало извѣстенъ, какъ ученый.

Съ большимъ удовольствіемъ и признательностью помѣщаемъ здѣсь превосходную рѣчь поляка В. Ю. Хорошевскаго, произнесенную на могилѣ Шевченка. Рѣчь эта показываетъ, что народный нашъ поэтъ внушалъ чувства глубокой симпатіи даже людямъ, съ которыми у насъ были кровавыя стычки.

«Пусть также и польское слово, короткое, но сердечное, раздастся у твоего гроба, достойный поэтъ русинскій! Ты любилъ свой край родной, свой Днѣпръ синій, свой народъ сермяжный; ты былъ мощнымъ пѣвцомъ этого народа; на слезы его ты всегда отвѣчалъ слезами. Честь же тебѣ, достойный Тарасъ, честь тебѣ! Ты не любилъ поляковъ, но нелюбовь твоя къ нимъ произошла въ тебѣ вслѣдствіе ихъ давнихъ заблужденій, которыя низвели испавшія на народъ, пламенно тобою любимый,

большія страданія... Нелюбови твоей причины въ томъ, «что ты любилъ многихъ, что ты любилъ много!» Но пусть у твоего гроба умолкнутъ всякіе упреки, пусть здѣсь слышится одно сердечное слово: честь тебѣ!»

Литературные поминки и отношеніе къ своимъ «великимъ покойникамъ» является несомнѣннымъ показателемъ дѣйствительной культурности и подлиннаго просвѣщенія народа. Китайцы, имѣющіе «культъ предковъ», не даромъ считаются поэтомъ народомъ, у котораго не худо позаимствовать кое-что изъ области высшей морали. И особенно нужно позаимствовать намъ, у которыхъ вольно или невольно многіе изъ нашихъ великихъ покойниковъ находятся въ пренебреженіи или забвеніи.

Еще въ древности, въ 25 г. до Р. Хр., въ Римѣ былъ выстроенъ храмъ Пантеонъ, посвященный всѣмъ богамъ. Внутри этихъ сооружений стоятъ статуи боговъ, напр. Марса, Венеры и др. Кромѣ Римскаго Пантеона знаменитъ также Парижскій. Это огромное зданіе въ 42 саж. вышины, великолѣпнѣйшее по своей архитектурѣ и живописи. Зданіе это служитъ хранилищемъ портретныхъ статуй великихъ людей, тѣла которыхъ погребаются въ подвальный этажъ этого зданія. Въ немъ похоронены лучшіе сыны родины, свѣтлѣйшіе умы народа. Это національное хранилище остатковъ представителей науки, искусства и живописи. Россія не знаетъ Пантеона для хранения остатковъ своихъ великихъ людей, своихъ лучшихъ сыновъ,—кости ихъ разметены по необъятному пространству нашей земли.

Охрана могилъ и памятниковъ на нихъ не обезпечена при ихъ разбросанности. Почитатели, желающіе видѣть и поклониться дорогимъ могиламъ,

должны путешествовать въ отдаленные концы. Нѣтъ даже такого справочника, гдѣ можно было бы найти указаніе, гдѣ похоронены тѣ или другія знаменитости. Рѣдко кто знаетъ гдѣ похороненъ Пироговъ, Ушинскій Менделѣевъ, Сѣровъ, Вл. Соловьевъ и Сер. Трубецкой, Лебедевъ... Гдѣ же нашель себѣ вѣчный пріютъ знаменитый гѣвецъ Украйны?

На обрывистомъ берегу Днѣпра, на курганѣ, у города Канева, Киевск. губ., высится одинокій бѣлый крестъ на могилѣ, гдѣ похороненъ поэтъ. Днѣпръ для поэта былъ символомъ и признакомъ всего характерно малорусскаго. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеаль счастливой народной жизни и его послѣднимъ желаніемъ было быть похороненнымъ у Днѣпра.

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Україні милій:
Щоб лани широкополі
І Дніпро і кручі
Були видні, було чути,
Як реве ревучий!

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте,

.....
.....

І мене в семьї великій,
В семьї вільній вбій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом!

Я часто бывалъ на этой могилѣ и уходилъ всегда съ тяжелымъ чувствомъ и даже чудная картина

окружающей природы не могла заглушить у меня чувства обиды и возмущенія. Тутъ я впервые узналъ, какъ хранить и чтутъ могилы великихъ людей русскіе люди.

Памятникъ оскверненъ чудовищными надписями посѣтителей, слѣдами пооекъ и цѣлой горой всякой ветоши и грязи.

О, эти пошлыя, цѣничныя надписи!

Эти красныя печати отъ распитыхъ здѣсь бутылочъ монопольки и осколки стекла съ сохранившимся еще остатками зеленой наклейки «казенное вино»!

Въ книгѣ «визитовъ», въ сторожкѣ памятника, вы найдете ту же пошлую литературу.

Но среди нихъ, я вспоминаю одну надпись, горячо протестующую противъ невѣжества и цинизма посѣтителей.

Чому ти, Тарасе, тоді не піднявся?
Чому, як Христос, за батіг не взявся?
З могили святої прогнав би собак,
Що пам'ять твою попірають оттак.

Думается мнѣ, что требуется какая-то общественная, организованная забота о великихъ могилахъ, которая гарантировала бы ихъ отъ случайныхъ вліяній, какъ стихійныхъ, такъ и сознательныхъ. Ихъ могилы являются даже не личной собственностью родныхъ и родственниковъ, а общественнымъ достояніемъ.

Поэты, писатели и наука составляют гордость
и богатство страны. Пусть умирают их тѣла, но
мысли ихъ безсмертны—«для слова смерти нѣтъ».
Насъ живятъ ихъ мысли, насъ движутъ ихъ чувства.
Берегите же могилы, въ нихъ зарыты свѣточи нашей
жизни и память о нихъ должна быть для насъ свя-
тыней.

А. Петровскій.

На смерть Шевченка.

Не предавайтесь особой унылости!
Случай предвидѣнный, чуть не желательный:
Такъ погибаетъ по Божьей милости
Русской земли человекъ замѣчательный
Съ давняго времени. Молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлыя рѣчи, борьба безразсудная,
Вслѣдъ затѣмъ долгіе дни заточенія.

Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармовъ любезности,
Все—и раздольную степь Оренбургскую,
И ея крѣпость... Въ нуждѣ, въ неизвѣстности,
Тамъ оскорбляемый каждымъ невѣждою,
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими,—
Могъ умереть онъ, конечно, подъ полками,—
Можетъ и жилъ то онъ этой надеждою!..

Но сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое,—
Кончилось время его несчастливое,
Все, чего съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу, ему улыбалось—
Тутъ ему Богъ позавидовалъ,
Жизнь оборвалася...

А. Некрасовъ.

672043

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

106 000 - 922 0

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ М. П. МЕРЗЯКОВА